

18+

ЕВГЕНИЯ ЮРКИНА

ДИРИК
И
МАКСИМ

Евгения Юркина
Лирик и Максим

«Издательские решения»

Юркина Е.

Лирик и Максим / Е. Юркина — «Издательские решения»,

Тебе двадцать шесть, и ты — простая оперативница московской магической службы. Ходишь на работу, уничтожаешь проявления тьмы, зарождающейся или активной. Но в один хмурый осенний день твоя жизнь меняется: в ней появляется новый напарник, а с ним и новые запредельные для человека испытания. Хватит ли твоих сил, чтобы все преодолеть?

© Юркина Е.

© Издательские решения

Содержание

Часть I.	6
Глава 1, в которой Ника обретает силу	6
Глава 2, в которой Ника находит единомышленника	9
Глава 3, в которой Ника и Максим патрулируют вдвоем	12
Глава 4, в которой появляется первая воронка	18
Глава 5, в которой у Ники появляется новое жилье	22
Глава 6, в которой Ника и Максим смотрят на обе луны	29
Глава 7, в которой на службу нападают	37
Глава 8, в которой Ника узнает много нового, но и вопросов возникает не меньше	42
Глава 9, в которой показано, что добро не абсолютно	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лирик и Максим

Евгения Юркина

Редактор-корректор Наталья Болдырева

Дизайн обложки и иллюстрация Наталья Караванова

© Евгения Юркина, 2026

© Наталья Болдырева, Редактор-корректор, 2026

© Наталья Караванова, Дизайн обложки и иллюстрация, 2026

ISBN 978-5-0070-3700-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I.

Приказано выжить

Глава 1, в которой Ника обретает силу

Вечер. Стук дождя по наклонным окнам мансарды. Впереди еще целая вечность — пара часов отдыха. Можно просто слушать, как барабанит дождь, и ничего, совсем-совсем ничего не делать — до того времени, как пропиликает будильник: сегодня опять в ночное. А это означает ходить по пустынным улицам Москвы — неторопливо, будто бесцельно, но на самом деле высматривая источники тьмы. Источники неверные, зарождающиеся. Толком не воплотившись. По обнаружении — докладывать в службу. Там знают, что с ними делать. Там разработают план. Дадут задание — терезам. Или оперативникам. А может, и ликвидаторам.

Вечер. Стук дождя по наклонным окнам. Как хорошо ничего не делать. И не думать. Не думать. Не думать — о том, что она больше не оперативник. Что вся ее группа исчезла. Растворилась — во тьме? Или все-таки в Вечности?

Не думать, что когда-то они были легендой — целых три года. Сражались на улицах города. Выезжали в командировки. После выполненных заданий бесцельно бродили по улицам. Заходили в кафешки — поесть и выпить кофе. Обсудить детали и устроить разбор полетов, после чего — обязательно улыбнуться смешным моментам.

Тогда она не понимала, да и не могла понять, ведь такие вещи оценивают потом: как это хорошо, когда ты — сильная. Сильная и сама по себе, и тем, что не одна. Потому что всегда есть, кому прикрыть тебе спину.

...Было, кому прикрыть ей спину.

И сила ее тоже в прошлом.

Стоп. Не думать!

Вечер. Стук дождя — никак, стихает? Впереди целый час отдыха.

— Ника, пора в ночное. Сегодня у тебя старый район. Метро Кропоткинская.

Это дежурный, у него длиннющий список дел. В их числе напоминать ей, выжившей в той драке и потерявшей своих, — о ее нынешних обязанностях. Напоминать, разумеется, по заданию начальника московской службы.

— Есть, Кропоткинская! — Ника отозвалась деланно бодро. Ей не хотелось расстраивать начальника службы, которому наверняка докладывают о ее настроении. У него и так полно забот, а тут она со своей осенней хандрой. — Выхожу через четверть часа.

Отбой.

Вздых облегчения. Теперь переодеться: тренировочный костюм долой, вместо него — джинсы, водолазка и плащ.

Плащ Ника снимала с вешалки быстро, но предельно аккуратно, чтобы не потревожить висящий под ним зонт. Зонт с виду обычный, а на самом деле — амулет-накопитель света.

Если бы она вернулась за ним тогда, в ту смену. Не испугалась глупых примет о том, что нельзя возвращаться. Не отмахнулась: что может случиться? Не понадеялась на свою силу — бьющую через край. Позволяющую реагировать, действовать. Побеждать.

...Если бы.

Ника отвернулась от вешалки с накопителем.

Вышла в ночь.

Все-таки хорошо, что есть служба.

Так думала Ника, идя по тихому московскому переулку — старинные дома, небольшие дворики. Мокрые после дождя скамейки. На одной, поверх старого матраса, возлежал немолдой бомж. Генерировал самые разнообразные амбре: винный перегар. Давно немытое тело. Моча.

Вдыхать букет Ника не стала, прошла мимо и уже направилась было дальше, как...

Девушка так и не поняла, что заставило ее обернуться. Но она оглянулась и оторопела: из бомжа даже не сочилась — текла активная тьма.

«Сивцев Вражек, дом девять. Скамейка во дворе. Активная тьма». — Руки сами набрали сообщение.

«Принято. — Дежурное сообщение в ответ. — Группа уже выехала. Продолжай патрулировать».

«Есть», — набрала Ника.

Она все-таки дождалась бригаду: черный микрик возник бесшумно — точно из ниоткуда. Выхватил фарами скамейку с бомжом. Если тот и хотел уйти, то ему это не удалось: куда его пусть активной, но текучей тьме против активного света — сильного, концентрированного, разящего! Куда против целого отряда оперативников?

...Против отряда.

Ника отвернулась и пошла дальше по переулку. Не думать!

Точнее — думать о другом. О том, как местные патрульные умудрились пропустить активную тьму? Уже матерую, текучую. Может, из-за специфического амбре?

«Тоже мне, патруль в старом районе!» — Ника мысленно усмехнулась.

И вдруг с удивлением и удовольствием почувствовала, как заворочались, ожили мозги — после трех месяцев застоя. Принялись обдумывать ситуацию — вместо того, чтобы впасть в уже привычную отключку отупения.

«На самом деле, — принялась размышлять девушка, — я ведь не знаю тонкостей работы патрульного».

До гибели ее отряда Ника никогда патрульной не была, а потому и соответствующего опыта у нее не было. До сегодняшней ночи ее выпускали на патрулирование только в спальные районы. Туда, где дома и постройки еще не успели пропитаться — ни светом, ни тьмой. Там не было фоновой засветки, а потому все было видно как ладони — хоть зыбкая и зарождающаяся, хоть активная, хоть, упаси свет, разящая тьма. В таком районе кто угодно тьму разглядит, главное, чтобы в нем были зачатки силы. Или остатки, как в случае Ники.

Другое дело — старый район. Дома, отстоявшие сотню, а то и больше лет. Накопившие по крупице тьму ли, свет — неважно! И уже сами их излучающие. Здесь сама земля была про-

низана силой, она текла по невидимым обычному глазу каналам и меридианам, — чтобы выйти на поверхность там ли, тут в случае пробоя. Правда, сама Ника пробой никогда не видела, но легенды — жуткие до истошного визга — о пробоях ходили.

...Стоп. Конечно, *пробоя!*

Там, где полегли ее ребята, случился пробой. Об этом ей потом не сказал никто. Сперва не до того, наверное, было, а потом не стали говорить. То ли пугать не хотели, то ли еще какая причина была. Но: это был *пробой*. Потому тьма и приняла то обличие, в каком была.

Стоп. Она подумает о пробое, но чуть позже. А пока — мысль.

Мысль — спасительная, острая подобно лучу активного света — пробилась сквозь трехмесячную пелену отупения: в смерти ребят ее вины не было! Она, боевой маг третьей ступени, могла сколько угодно уметь сражаться и побеждать. Но убить *всех* тварей, неизбежно возникших на месте темного пробоя, было не в ее силах. Да и вообще вряд ли в чьих-то силах. А значит...

Ника остановилась.

«...Ты могла продержаться дольше», — привычно подкатило болото вины и боли.

«Это. Был. Пробой!» — Ника не думая размяла пальцы — чтобы зажечь свет.

И тут же внутренне сжалась: привыкла, что света не будет. Но тот, практически невидимый чужому глазу, появился над ладошкой. Лизнул, повинувшись воле девушки, ближайший фонарный столб. Добрался до светильника: мы с тобой одной крови? И отпрянул. Отпрянул, чтобы привычно обласкать магичку — теплом. Радостью. Счастьем.

Счастьем жить. Действовать. Думать. Именно думать, а не погружаться в болото боли и безразличия.

Сейчас — думать о том, что не только район был причиной того, что этого бомжа до сих пор не засекли. Тьма, поселившаяся в человеке, умеет ставить щиты. Был ли бомж виноват в том, что через него начала развиваться, а потом и действовать тьма, — вот в чем вопрос. У закоренелых алкоголиков трансформация происходит помимо воли. Если в доме не живет хозяин, если дом не охраняется, то его рано или поздно захватят. И скорее всего, это будут силы тьмы, ведь свет куда деликатнее. И добрее к людям.

...Добрее, — вдруг осознала Ника.

Хотели бы Лешка, Ванька или Димка, чтобы ей было плохо? Да ни за что!

Чтобы она мучилась только из-за того, что осталась жить? Чтобы ее существование стало серым и унылым? Чтобы она ползала по городу подобно амебе? Конечно, нет.

Нике оставалось только одно. Ради друзей, отдавших свои жизни — за людей. И за нее. Принять жертву Ваньки — живи, сестренка! — с благодарностью. И жить полной жизнью.

И начать жить можно было прямо сейчас. Например, с перерыва на кофе — в маленькой атмосферной кофейне. Вот этой.

Три месяца Ника не была в кафешках. Сперва не выходила из дому. Потом, понимая, что у нее нет былой силы, начала избегать скоплений людей. Вот и патрулировать ее отправляли только в ночное.

Пора было изменить свою жизнь.

«Перерыв на час». — Ника послала соответствующее сообщение дежурному. Убрала телефон в карман пальто. Толкнула тяжелую дверь.

#

Глава 2, в которой Ника находит единомышленника

В этом кафе Ника уже была.
И одна приходила, и с боевыми друзьями.

...Боевыми друзьями. Девушка улыбнулась при мысли о ребятах. А потом и тому, что воспоминание доставило ей не боль — радость. Тихую радость, а еще безмятежность. Будто кто-то очень добрый погладил по голове: все будет хорошо.

— Все будет хорошо, — повторила Ника сама себе.

Пересекла небольшой зал, автоматически оценив присутствующих. Их было всего двое. Немолодой бармен — обычный человек, таких большинство. В благоприятных условиях может даже покрасоваться хорошими гранями. А вот не в благоприятных...

Ника перевела взгляд на второго человека. Парня лет на пять старше ее, без признаков тьмы — хоть зарождающейся, хоть активной. Света, впрочем, Ника тоже не заметила, даром, что в парне чувствовался стержень. Но может, этот человек не определился именно по причине наличия собственного стержня?

Хотя, это все равно ненадолго, — вдруг поняла Ника. Все рано или поздно делают выбор, ведь человеческие силы не бесконечны. От этого было светло и самую капельку грустно. А еще как-то лирично, что ли.

И это было так странно. Давненько Ника не замечала за собой лирики. Какая, к свету, поэзия в бою? Это всякие писатели и кинематографисты воспевают и увековечивают, причем, потом. То есть после — боя, стычки или драки. Когда другие выстоят.

...Или погибнут.

Тревожно — как показалось Нике — тренькнул колокольчик. В кафе вошли трое. Ближайший к девушке, эдакий шкаф, мазнул проходя взглядом — сальным, мерзким. Потом медленно отвернулся и будто в раздумьях принялся осматривать зал. В руках он держал... четки. Просто держал, не крутил. И от него веяло — чем-то таким, нехорошим.

«Сальным и мерзким», — повторила Ника первоначальную оценку.

Весь месяц дежурств девушка старалась держаться подальше от таких типов. Может, и ушла бы из кафе, не закажи уже кофе: от хорошего настроения не осталось и следа.

Наверное, она сдюжит дать отпор, напади эти парни на нее. По крайней мере, будет биться.

Однако биться не пришлось. Неприятный тип наконец сдвинулся с места и пошел, сопровождаемый приятелями-свитой в дальний угол кафешки.

Ника перевела дух. Подумала: что это на нее нашло?

А тем временем парень и его свита добрались до своего столика. Ника не видела, как парень оглянулся и, мерзко ухмыльнувшись, направил на нее четки и раздавил одну из горошин.

Ника тут же провалилась в воспоминания.

...Их было всего четверо — впрочем, как и всегда. А приспешников тьмы — раза в три больше. Как минимум в три. Времени на раздумья, на обдумывание тактики боя не было — он вышел предельно скоротечным: еще миг назад переулочек был чист, а в следующий Дима и Лешка уже били чистой силой света носителей разящей тьмы.

Прийти им на помощь Ника не могла. В этом бою Ника и Ваня были напарниками. Их атаковала тьма-воплощенная — жуткого вида гидра. Ника никогда не видела такого обли-

чья тьмы в мегаполисе. И на лекциях о таком не рассказывали. И что делать, когда вокруг тебя столько разящих тьмой щупалец, девушка не знала. Помнила только, как приготовилась умереть.

А потом гидра схватила Ваньку — несмотря на то, что в какой-то момент показалось: парень отрубил ей все щупальца.

Но щупальца отросли снова, и в большем количестве.

Рубила щупальца и Ника. Рубила, пока Ванька ее не откинул — пусть и прямо на другого носителя тьмы. Тот давил и сминал девушку как простой лист бумаги. А Ника все это время смотрела на Ваньку — до тех пор, пока картинка вырастающих, бьющих тьмой щупалец не расплылась у нее перед глазами.

Она не видела, как рядом с побоищем выткался микроавтобус их службы.

А потом и второй.

И третий.

— ...Ваш кофе.

Это официант.

— Спасибо. — Ника не успела нацепить дежурную улыбку.

Да и не было у нее на это сил: все шли на то, чтобы не провалиться снова в болото воспоминаний.

— Я... — Официант начал было что-то объяснять.

И умолк: девушка все так же смотрела ему в глаза. Смотрела в глаза постороннему парню, а видела, как пришла в себя в больнице — будто со стороны.

Стояли возле койки терезы — на этот раз сильнейшие представители самого многочисленного подразделения службы. Вопреки названию, в нем подвизались как девчонки, так и парни. Их отличительной чертой было милосердие — ко всем живущим вообще. И к Нике, в частности. Среди терез выделялся, казалось, холодным, но на самом деле концентрированным светом начальник московской магической службы, мощнейший маг Аристарх Демьянович.

— Выздоровливай, — тихо так сказал.

— Выздоровливай, — вторили ему терезы.

Ника тогда ничего не ответила — закрыла глаза. Жить не хотелось, она точно это помнила.

— И все равно выздоравливай, — повторил маг. — Борись. Ради тех, кто погиб, чтобы спасти всех нас.

Ради ребят? Ника открыла глаза.

— Выздоровливай. — Свет мага был все таким же сильным, резким.

И в то же время теплым.

Она тогда осталась жить — сбитым летчиком. Спустя два месяца, когда восстановилось тело, вышла патрулировать город.

А сейчас вот начала шокировать людей.

— ...Я?..

Это официант. Стоит, будто загипнотизированный, трясется. От страха? В руках у официанта капучино — бело-кофейная пенка стекает по стенкам кружки. Капает на столешницу.

Ника смотрела сквозь нее — боролась с готовым навалиться болотом отупения и боли. Боролась потому, что отчаянно не хотела туда попадать. Ребята не хотели бы, чтобы она туда снова попала.

— ...Ну, чего ты стоишь у девчонки над душой? — вдруг заговорил давешний парень, тот самый, еще до ее прихода сидевший в кафе. — Не видишь, человеку плохо?

«Интересно, как он это понял?» — мелькнула у Ники мысль.

Мелькнула и пропала.

— Ты бы утешил девушку, что ли, — не то сказал, не то плюнул нарочито развязным тоном тип с четками, сидевший за дальним столиком.

Возможно, это были представители золотой молодежи, самая отвратительная каста во Вселенной. Возможно, эти парни просто никогда не получали отпор. Вот и сейчас шкафообразный заводила, похотливо ухмыляясь, направлялся к Нике. При этом он крутил между пальцами четки.

Остальные почтительно-унизительно, точно шакалы, не шли, но такое впечатление, что ползли следом.

Бармена тут же как ветром сдуло. Щелкнул замок подсобки.

— Не можешь утешить, — предводитель шакалов зычно сплюнул на пол, — тогда я за тебя.

Он раздавил одну из «горошин» четок — из нее ливануло тьмой.

«Накопитель, — определила Ника. — И наверняка, эта атака не первая. Прошлой меня и отбросило назад».

Понимание подействовало как ушат холодной воды: болото боли не отступило — исчезло, не оставив даже тягостного послевкусия.

Впереди магички была тьма.

Ника картинно размяла пальцы — хотя могла этого и не делать.

— ...Иди к папочке, девонька. — Он еще и штаны принялся расстегивать.

Под потекшие слюни свиты.

Это они зря.

«*Не спасешься от доли кровавой*», — всплыли из глубин памяти знаменитые гумилевские строчки. Занеслись плетью — светлой, чистой.

Но не достигли цели.

— А ну пошли от нее! — Парень, про которого Ника уже успела позабыть, ударил.

Ударил чистейшим неоформленным стихийным светом.

Глава 3, в которой Ника и Максим патрулируют вдвоем

Мир лежит во тьме.

Служба света противостоит тьме. Ее порождениям.

Бесам — по версии древнееврейской мифологии. Или ракшасам в мифологии индусов.

Неважно, как их называть: и те, и другие не выносят чистого направленного стихийного света. Такого, какой генерируют установки службы. Их еще называют светоизлучателями. Как раз такие были в микриках, выехавших на тот пробой...

— ...Пробой? — приподнял парень бровь.

— Пробой, — кивнула Ника.

Осознала, что думает вслух. Впрочем, это было даже хорошо — что-то говорить, пока обезболивает парня. Потому что, судя по обуглившейся коже на руках, ему было сейчас очень и очень больно.

— Свет может сжечь — особенно, если он неоформленный. Сжечь либо место приложения энергии, либо своего хозяина. Ты чудом остался жив. Больше так не делай.

Ника бросила взгляд на кисти рук парня — еще минут десять тому назад черные. А теперь медленно приходящие в норму. И это было странно, ведь она не была врачом.

— Если ты объяснишь, что именно не делать, то не буду. — Парень тоже посмотрел на свои руки. Кожа на глазах становилась розовой. — Кстати, я Максим.

У него были серые глаза — цвета грозового неба. Ника заметила это только сейчас, даром, что пока из нее изливался поток сознания, магичка смотрела парню прямо в глаза.

— Я — Ника. — Девушка выпустила руки собеседника: здоров!

— Вот и познакомились. — Грозное небо точно озарилось солнечным светом. — Так что ты там говорила про устройство ми..?

Парень не договорил. Щелкнул замок — из подсобки появился официант. И — тоненько, противно завизжал: на полу извивалось и дергалось — то, что раньше было хорошо организованной биомассой. Сейчас это была лишенная разума биомасса с осколками рефлексов.

— Вот бл... ин. — Ника только сейчас поняла, что не известила службу о происшествии. Набирать сообщение показалось долгим. Проще было позвонить. — У нас трое изувеченных. Да, стихийным светом. Нет, не я. Тут у меня самородок. Да, наш. — Ника даже удивилась: сказала же, стихийный свет. Значит, самородок наш. — Вдобавок еще один свидетель в истерике... нет, он уже без сознания. Отбой.

Ника сунула телефон в карман. Перевела взгляд на Максима — ожидая увидеть букет эмоций.

Тот смотрел с интересом:

— Ночной дозор? Всем выйти из Сумрака?

— Почти, — улыбнулась магичка. В парне чувствовался стержень, ему не надо было вытирать сопли. Это радовало.

Почти — с учетом того, что каждый писатель создает свою картину мира. Да, она имеет отношение к мироустройству. Но имеет только отчасти: кто же его, это мироустройство, знает? Вот писатель и рисует свое — отблеском ранее прочитанного и квинтэссенцией выстраданного лично.

— Тебе надо дождаться своих? Это долго?

— Надо, но это недолго. — Ника с любопытством смотрела на собеседника. Спокойного как будда — несмотря на то, чему стал свидетелем. И в чем участвовал сам.

Впрочем, возможно, это был эффект ее врачевания, потому что такая реакция нереальна — по крайней мере, у человека. А то, что перед ней сидит именно человек, сомнений у Ники не было. Инопланетяне выглядели по-другому, по крайней мере, на лекциях утверждали именно так.

Поколебавшись, Ника все-таки призвала свет — проверить. Да, перед ней был человек. Хороший, светлый человек.

— Что-то не так? — В голосе Максима было не только любопытство, но и беспокойство — легкое, неуловимое.

— Все так, извини. Просто...

— Тебе влетит от руководства? — принялся гадать парень. — За мое самоуправство?

Не влетит, даже не надейся. Ника от души улыбнулась. А потом еще раз: о ней посторонние парни заботились редко. Раньше, до гибели ребят из их четверки, так вообще, случись что, убегали — вот как давешний официант в подсобку, например. Даром, что на первый взгляд она была нестрашной: миловидная да изящная.

— Сходим потом куда-нибудь? — предложил Максим. — Ну, когда ты своих дождешься.

— Если тебя не заберут.

— Да? И куда?

Максим спрашивал с усмешкой. Так реагирует человек, уверенный в своих силах. И в том, что против своей воли никуда не пойдет.

— В службу. Провести ликбез. — Ника все-таки проглотила готовое вырваться «все мы под богом ходим. От сумы, тюрьмы и нашей службы не зарекаются».

Да, у Максима были шансы в ряды службы не вступить: и служба никого силком не держала, и он сам не выглядел романтичным вьюношей со взором горящим. Ищущим приключений от скуки, пусть и во имя добра и справедливости.

Но обязательств у него теперь появится выше крыши. И все они будут касаться использования его стихийной силы. О чем Ника Максиму и сказала.

— Появятся, — легко согласился тот. — Но сперва прогуляемся. Если ты не против.

Ника против не была. Да и патрулировать старый город вдвоем было куда приятней. И — чего греха таить — интересней.

Вдобавок, было еще одно обстоятельство. Она давно с сильными ребятами не общалась. Три месяца уж как.

Перед мысленным взором Ники встали парни: Ваня, Дима и Алексей. Все они желали ей удачи. И улыбались.

С Максимом было хорошо и на удивление спокойно.

Ника привыкла быть на передовой, привыкла отвечать за себя и свои действия. Она и сейчас была самостоятельной боевой единицей, вот только ощущения были новыми. Нет, не как за каменной стеной, никто ее прятать от мира не собирался. Но поддержка в то же время была. Причем, поддержка не во имя абстрактного света, отнюдь. Максим поддерживал именно ее. И в общем. И в ее патрульном деле — тактично отступая на шаг, когда она отправляла сообщения дежурному. В третий раз беспрекословно сворачивая в один и тот же переулок — ей надо было проследить за одним из домов, уж больно картина была нестандартная. То ли зарождающаяся тьма. То ли просто истерика у младенца, сопровождаемая закономерной сдерживаемой злостью родителя. То ли, как магичка вдруг остро поняла на третий раз, попытка суицида.

— Вон там. — Ника указала на темный прямоугольник окна на пятом этаже кирпичной башни советского образца.

— Подожди меня здесь, я скоро.

Миг, и парень был уже у подъезда.

Ага, как бы не так!

— Стой! — приказала Ника.

Приказала привычно. Ее, находящуюся при исполнении, слушались все: в голосе была сила.

Максим остановился. Но только для того, чтобы дружески подмигнуть:

— Не дрейфь. Ничего со мной не случится.

И прежде, чем девушка успела хоть как-то отреагировать, прошёл в подъезд.

«Надо же, не остановился». — С одной стороны, Ника сильно удивилась, ведь такое произошло в первый раз. С другой — обрадовалась. Ей не хотелось как-то влиять на этого парня. Слишком драгоценен он был своей самобытностью и силой, чтобы его как-то ломать. Наоборот, хотелось дать ему проявить свободную волю. Да и на результат этого самого проявления было интересно посмотреть.

Поэтому девушка стояла и вслушивалась в тишину — готовая в случае чего бежать на помощь спутнику. Но всплесков силы не было. Да и дом был советский, скрыть активную тьму вряд ли бы смог. Даром, что случаи бывали, но очень, очень редко.

Ожидание не затянулось.

Не прошло и минуты, как дверь запиликала, и парень вышел из подъезда:

— Даже не знаю, стоит ли тебе на это смотреть, там...

Остаток фразы Ника не слушала — вбежала в подъезд, а потом и на пятый этаж.

— Может, все-таки вызвать твоих? — попытался остановить девушку Максим. — Там...

Что «там», Ника и сама видела: висельник в конце коридора.

— Велика Россия, а отступать некуда. — Магичка глубоко вздохнула и шагнула вперед.

— Как скажешь. — В голосе парня энтузиазма не было.

Но он шел за Никой, и та была ему за это благодарна. Девушке было откровенно не по себе — не только из-за висельника, отнюдь. Все, решительно все в этой квартире резало по нервам: беги! Скорее беги!

Ника позволить себе побег не могла, ей надо было оценить обстановку и доложить результаты в службу. Вот она и осматривалась — сквозь откровенный страх.

Трехкомнатная квартира. Мрачная, будто декорированная специально для фильмов ужасов. В коридоре — темно-бардовые гобелены, винтажные светильники, антикварные предметы интерьера. Мутноватые зеркала трельяжа девушка на автомате полила чистым светом. Ускорила шаг — проскочить побыстрее. Равно как проскочила и двери, закрытые тяжелыми портьерами. Такое убранство ожидаемо (и порой встречалось) в дореволюционных домах, но никак не в постройках махрового советского социализма.

Но весь этот винтаж мерк перед сюрреалистичной картиной: висельник. В петле из яркого шелка. Чуть раскачивался — аккуратно над... мраморным унитазом. Не в туалете — прямо в конце коридора.

— М-да... — не сдержала Ника междометия.

— Вот и я... удивился. Ты как себя тут чувствуешь, кстати?

В голосе парня слышалось участие. И готовность. Интересно, к чему?

Готовность была и у Ники: ей по-прежнему хотелось убраться из этого места. Но почему, она не знала. Вроде бы не засекла ни пятнышка тьмы. С этой мыслью Ника отвернулась от висельника — просканировать пространство квартиры еще раз.

— Черт!

Из-под тяжелых портьер не сочилась — текла активная тьма. Тьма, готовая к трансформации. Какой — магичка распознавать не стала: сработал вбитый на тренировках, подтвержденный боями рефлекс. Ника буквально вытолкнула парня на лестничную клетку из рассадника тьмы. Захлопнула дверь. Вызвала свет, щедро полила им весь тамбур. И только тогда набрала дежурному:

— Высылай бригаду. Да, ты не ослышался. Бригаду. Светоизлучатель переносной. Если есть два — пусть берут два. Активная тьма в квартире жилого дома.

— Ну вот и все. — Ника с удовольствием подставила лицо морозящему дождю.

Она и Максим стояли во дворе злополучного дома. Только что отбыла бригада службы. И труповозка уехала тоже. Завсегдаев нехорошей квартиры-притона, спившихся до утраты человеческого облика алкоголиков, через которых и текла активная тьма, спасти не удалось.

— Тебе повезло, — вспомнила Ника, как Максим высунулся из окна квартиры. — Тьма могла и наброситься.

— Так не набросилась же. — Парень пожал плечами. — Обещаю, завтра... нет, уже сегодня, — бросил он взгляд на часы, — посету вашу службу. Мне там все объяснят, и я не буду впредь подставляться. А сейчас хочу сказать только одно: ты сильная.

Вот как? Ника невесело усмехнулась. Интересно, что Максим вкладывал в понятие «сильная»?

— Только то, что ты меня вынесла из квартиры на лестничную клетку.

— Вытолкнула, — покачала головой девушка. — Да ты и не сопротивлялся.

— Это еще не удавалось никому, — пожал плечами Максим. — Побороть меня, когда сопротивляюсь, в смысле.

Вот как? Ника с любопытством посмотрела на парня.

— Стоп-стоп-стоп-стоп! — Максим вдруг рассмеялся — весело так. — Поверь, это был просто комплимент. А не приглашение.

— Ага, — глубокомысленно изрекла Ника. А потом насторожилась: — А ты что, мысли читаешь?

У них на службе ходили слухи о том, что Аристарх умеет читать мысли. Но возможно, это были просто слухи.

— Я ничего не читал. Просто у тебя очень выразительное лицо. И очень красивое. А теперь пошли!

Прежде, чем Ника успела хоть как-то отреагировать, Максим схватил ее за руку.

— И куда? — Девушке не хотелось спорить, отнюдь.

Просто до конца сегодняшней патрульной службы оставалось еще как минимум полчаса. О чем Ника и сказала парню.

— Уговорила. — Максим вздохнул. Но потом снова оживился: — Значит, закончим э-э-э... дозор и пойдем подкрепляться. Я тут одно местечко знаю — закачаешься!

— В три утра?

— Круглосуточное, — утвердительно кивнул парень.

Он не выпустил руки Ники, да ей и не хотелось. Девушке было хорошо — идти в дождь. Ощущать поддержку, знать, что не одна. Несмотря на ночь и морось, мир расцветал радужными красками, и даже три новых обнаруженных очага тьмы не испортили Нике настроения.

Через сорок минут магичка сдала смену.

Местечко оказалось всего в паре переулков места окончания патрулирования — тихий двор, мокрая скамейка, забытый на мокром же столе журнал. Но двор был закрыт трехметровым забором-решеткой и калитка была заперта.

— Мой пропуск не работает. — Ника подергала ручку.

Будь она при исполнении — другое дело.

— Справимся. — Максим с ловкостью и легкостью, достойных Джеки Чана, не перемахнул — перетек через забор.

У девушки в буквальном смысле этого слова отвисла челюсть: Джеки Чан был компактным китайцем, а в Максиме было порядка метра восьмидесяти с гаком. И весил он, поди, раза в полтора больше китайца.

Какая же у ее спутника была подготовка? Кто он?

— Прошу. — Максим нажал какую-то кнопку, и калитка распахнулась.

Ника молча проскользнула внутрь.

Вскоре выяснилось, что в число навыков спутника Ники входило еще и умение приготовить стейк.

— Тебе?..

— Well done, пожалуйста.

— Вино? Водка? Коньяк?

— Не пью, — покачала головой девушка.

Не было у нее ферментов, расщепляющих алкоголь.

— У тебя ведь оперативная работа. Как же ты расслабляешься?

Это был типичный мужской вопрос. Парни из ее четверки тоже сначала удивлялись.

Потом привыкли.

— По-разному, — уклончиво ответила Ника.

Раньше ей было достаточно ощущения хорошо сделанной работы.

После гибели парней... тоже как-то справилась.

— Ясно. Вопросов на эту тему больше не задаю. Твой стейк. — Максим поставил поднос на стол.

По сервировке можно было предположить, что парень подрабатывал поваром в мишленовском ресторане.

А вот помещение, в котором они находились, на ресторан никак не тянуло. И на кафе тоже. Максимум офис. С кухней.

А стейк был очень и очень неплох. И посиделки вышли легкими и непринужденными. Даже несмотря на то, что Максим не готов откровенничать по поводу своей работы: как-нибудь потом.

— Договорились, потом, — согласилась с парнем Ника.

Ей было хорошо. К ней вернулась сила, она ощущала ее в себе — то ли светом, то ли добрым проверенным другом. Да, почему-то не так, как раньше, но ведь ощущала же. И это было замечательно.

Вот Ника и отмечала возвращение силы, и по случаю — в компании Максима. Человека умного, сильного и смелого. Они пили чай и говорили, говорили, говорили... — ни о чем и обо всем на свете.

Однако все хорошее когда-нибудь заканчивается. Конкретно в этот раз — звонком дежурного.

— Ты едешь домой? — без обиняков осведомился он.

Весьма и весьма встревоженным голосом.

— Нет, — почему-то покраснела девушка. — А что?

— Слава свету! — с облегчением выдохнула трубка. — А ты где?

— В районе патрулирования. Да что случилось-то?

Что случилось, дежурный не знал и сам. Сказал подъехать в службу.

— Вот прямо пулей!

Отбой.

— Ты слышал, — вздохнула Ника.

Ей было жалко, очень жалко, что посиделки закончились. Давно она не испытывала такого родства душ. Хотелось длить праздник общения — еще и еще.

Тем не менее Ника поднялась, надела плащ.

— Провожать не надо, — повернулась к Максиму. Ее вызвали, значит, замок на входной решетке должен был открыться.

— Нет уж. Поверь моему опыту, напарник тебе сейчас не помешает.

Вот как? Магичка с любопытством посмотрела на парня. Он не был слепым — мог заметить, что она сама может за себя постоять.

— Я настаиваю. Ваш дежурный был всерьез обеспокоен. Тебе угрожает опасность.

В ответ Ника только развела руками: какая еще опасность? Но спорить конкретно с этим человеком не стала.

Они быстро прибрали за собой. Вышли в предутреннюю морось.

Глава 4, в которой появляется первая воронка

Дождь Ника любила. Даже такой, морозящий, пробирающийся за ворот плаща. Будто напоминающий: не спи. Что-то происходит, не спи!

Конечно, Ника и не думала засыпать. Просто ночные посиделки подействовали настолько умиротворяюще, что девушка шла, подставив лицо предугрившей мороси, и улыбалась.

Рядом с Никой шел Максим. Девушка не видела сейчас его лица, она смотрела вперед. Но при этом откуда-то знала: Максим тоже улыбается. И от этого было хорошо.

По пути им встречались редкие прохожие: зевали. Прятались от дождя за зонты. Или капюшоны.

...Это налетело внезапно. Проклюнулось в ткани мира материального прямо там, где шел пешеход. Миг, и ему снесло голову — точно плазменным ножом срезало. В лужу осело обезглавленное тело.

— За спину! — Ника вскинула руки. Мелькнула мысль: у нее нет оружия. Или накопителя. Только ее недавно вернувшаяся сила.

Но и из темно-сизо-серой воронки, пульсирующей там, где была голова злосчастного, не вылезало ничего. Пока не вылезало.

Однако у магички было стойкое ощущение, что оттуда за ней — или все-таки за ними? — наблюдают.

— Ты знаешь, что это? — Максим спрашивал шепотом.

А Ника кожей, нервами, чувствами понимала: парня пробрало. Ни висельник, ни трое молодых обалдуев в кафе Максима не толком не впечатлили. Он был уверен — в себе? Или своих силах?

А сейчас — нет.

— Не знаю. — Обманывать не было смысла.

— Звони в свою службу.

Ника медленно, очень медленно потянула телефон из кармана. Почему-то казалось: сделай она резкое движение, и воронка накинется. Или из нее вылезет какая-нибудь пакость. А может, выплеснется активная тьма и затопит переулок.

— Алло? Ника? Что у тебя?

— Вор... Уже ничего.

Воронка исчезла — будто ее и не было.

И только обезглавленное тело напоминало о том, что воронка все-таки была.

— Староконюшенный, двенадцать. Неопознанный зловредный объект.

— То есть? — опешил дежурный.

— Труп тут обезглавленный, вот что есть. Нет, не тьма. Что-то другое. И...

— Что?! — гаркнул дежурный.

— Мне показалось, что оттуда следили.

— Срочно уходи! — А вот это уже был сам Аристарх. Находился на пульте? Вырвал у дежурного трубку? — Живо! На Пречистинке через минуту будет микрик. Как раз успеешь добежать.

Не успели отзвучать слова Аристарха, как Максим схватил девушку за руку и дернул!

Вовремя. На том месте, где они стояли, вспалилась очередная воронка. Из нее пахло жаром, но они были уже далеко: Максим умел стартовать с места в карьер. Даже с отягощением в виде пусть и изящной, но вполне взрослой девицы.

Начальник службы не утрировал, когда говорил «через минуту»: микроавтобус на Пре-чистинке действительно стоял. Едва Ника и Максим подбежали к машине, как дверь отъехала в сторону.

— Живо! — В салоне находился сам Аристарх. — Руку!

Ника впрыгнула сама. Максим — следом. Микроавтобус рванул с места — девушка не удержала равновесие и упала бы на светоизлучатель, переведенный в пред-боевой режим. Но ее удержали — Аристарх и Максим, чудом устоявший на ногах. Ника повисла над излучателем — ни жива ни мертва.

— Не делай так, сестренка. — Аристарх усадил девушку на сиденье. — Концентрированный свет не щадит никого, и своих в том числе.

Ника прекрасно знала, как работает светоизлучатель. Понимала и то, что начальник службы выдал на гора не нотацию, а междометие: поди, испугался не меньше нее. Равно как и осознавала Ника кое-что другое: ей вдруг показалось, что против той воронки светоизлучатель бессилен. По крайней мере, один.

Чем магичка и поделилась с начальством.

— Похоже на то, Ника. — Если Аристарх и был растерян, то ничем не выдал своего состояния. — Поэтому мы и не будем его пока использовать.

Так это получается?.. Ника посмотрела на начальство с подозрением. Сам Аристарх только за ней примчался, что ли? Да еще и со светоизлучателем наперевес? Не много ли чести?

— Ты бы лучше представила мне своего спутника-то, — проворчал начальник московской магической службы.

— Максим. — Парень отреагировал быстрее девушки.

Все это время он с явным интересом изучал людей и обстановку — насколько это позволяла поездка в то и дело меняющемся направлении микрикке.

Аристарх Демьянович открыл было рот для ответа парню, но тут микроавтобус резко повернул, и челюсть мага захлопнулась сама собой.

— А чего мы едем зигзагами? — любопытствовала Ника.

— Так воронка какая-то странная преследует, свет ее разорви! — Водитель Миха, отставной военный преклонных лет, умудрялся прислушиваться к разговору в процессе безумной гонки по улицам мегаполиса. — Первый раз такое вижу.

Ни слова ни говоря Ника потянулась было к окну, но открыть его не смогла. Максим неуловимым глазу движением переместился на сиденье напротив. Перехватил руку девушки.

— Не надо, — покачал головой.

Взгляд цвета грозового неба стал стальным.

— Но мы не можем все время удирать! — Ника была против подобных перестраховок.

Им все равно придется принять бой.

— А это и есть бой, — спокойно произнес Аристарх. Но от этого спокойствия веяло жутью. — Мы его ведем прямо сейчас, в реальном времени. И мы не знаем, с кем или чем имеем дело.

Но и помощь, по словам начальника службы, была уже на подходе.

— Только закончат с твоей квартирой разбираться, — вздохнул он. — На пульт дежурки поступил тревожный сигнал. Почти все силы бросили к твоему дому, думали, ты попала в ловушку. А оно вон как вышло.

— Как вышло? — непонимающе переспросила Ника.

Что еще с ее домом?

— Нет у тебя больше квартиры, — вздохнул Аристарх. — Оплавилась.

— То есть? — Ника впала в ступор.

А где она будет жить? Как она — без крыши над головой?

— Не о том переживаешь, Ника, — покачал головой Аристарх. — Уж без крыши над головой точно не останешься.

Без крыши над головой? Ника по-новому посмотрела на начальника московской службы. Она ничего не произносила вслух про крышу и голову. Неужто те слухи были правдой? О том, что Аристарх — телепат?

Аристарх молчал и на ментально заданные вопросы не отвечал. Но, как бы там ни было, свое дело он сделал. Ника перестала переживать о второстепенном и взяла себя в руки: сперва надо выжить, а уже потом думать, где и как жить.

— Ника, нам всем повезло, что тебя не было дома. — Начальник московской службы с участием посмотрел на подчиненную. И перевел взгляд на парня. — Спасибо, Максим, за нашу Нику. Вы ведь должны были зайти в службу? Я правильно понял?

Максим кивнул. Казалось, его вообще не волновало то, что они удирают от непонятного, но однозначно смертельного врага. Парень с интересом смотрел на собеседника. Который, кстати, так и не представился.

— Аристарх Демьянович Заречный, светлый маг. — Знакомая Нике еле заметная усмешка тронула губы начальника.

— Наш-ш... — Задумчиво, оценивающе смотрел Максим на Аристарха. — Двус-сторонний. Виж-жу.

— ?! — У Ники не нашлось слов.

Наш? Двусторонний? Что это может означать?

— Двусторонний? — Приподнял правую бровь Аристарх.

Видимо, ему, точно так же, как и Нике, были непонятны слова Максима.

— Могу выразиться в других терминах. — В глазах цвета пасмурного неба промелькнула смешинка. — Правда, я их очень, очень давно не использовал. Могу и напутать что-нибудь.

— Весь внимание. — Аристарх неотрывно смотрел на нового знакомого.

— Светлый, — утвердительно произнес парень. — Темный волх-хв.

«Ась?» — чуть было не вырвалось у Ники.

— Принимается, — именно в этот момент сказал Аристарх.

С куда большим интересом и уважением разглядывал он нового знакомого.

Тут-то Ника и удивилась: кто он, этот Максим?

В давешнем кафе вел себя новичок-новичком. Даже, вон, руки обуглились от неумелого обращения с силой. И тут — «темный волхв», да еще «светлый»! Ника не знала, о чем и думать. Конечно, она слышала о волхвах. И о природных, и о темных тоже. Но вот о темных светлых — нет.

Да и какой из Аристарха темный волхв? В Москве, как известно, уже лет десять как волхвов не было — ни природных, ни темных: ушли после второй большой битвы. По крайней мере, в альтер-матери¹ говорили именно так. И магов, в привычном понимании этого слова, тоже практически не осталось. В ней самой из магии — только свет. Ни огня зажечь, ни воду подогреть силой магии она не сможет. И любой другой так называемый маг из московской службы — тоже.

И тут на тебе!

Девушке вдруг показалось, что привычный мир размывается, будто... Будто она снова оказалась на первой лекции, где ей рассказывают про магию. Только уже на новый лад, с темными светлыми волхвами.

¹ Альтер-матерь — аллюзия на «альма-матер», старинное название учебных заведений, преимущественно университетов. В оригинале «альма-матер» не склоняется, в отличие от альтер-матери в данном произведении.

Чтобы хоть как-то сориентироваться, Ника воззрилась на начальство — будто могла понять о нем что-то новое.

Но нет, Аристарх Демьянович каким был, таким и остался. Крепкий мужчина лет шестидесяти. Глаза темно-карие, почти черные. Лицо волевое, черты благородные, как написали бы романисты. Только во взгляде светилось не только понимание, там еще и стоял вопрос — адресованный Максиму.

— Если будет время, — еле заметно качнул головой парень. — Но это разговор не минутный.

— Согласен, — с легкостью произнес Аристарх. — Кстати, — прислушался к чему-то он. — Кстати, помощь уже на подходе. Приготовились, ребята!

Помощь пришла в виде десятка квадрокоптеров. Самых обычных беспилотников, заливших воронку ослепительно-ярким светом со всех возможных сторон: не только справа-слева, спереди-сзади, но и сверху, и снизу, и по диагоналям.

«Микрик с его единственным излучателем так бы не смог», — как зачарованная смотрела Ника на торжество света.

Даром, что их светоизлучатель тоже задействовали — как только квадрокоптеры поймали вражину в прицел.

Омерзительно-серая, какая-то *поганая* в свете светоизлучателей воронка некоторое время держалась. Потом начала метаться по пятаку метр на метр и, наконец, лопнула — с таким звуком, что у всех присутствующих заложило уши.

Глава 5, в которой у Ники появляется новое жилье

До службы добрались быстро.

Служебная машина мчалась прямо по пешеходной зоне: мимо витрин дорогущих магазинов, лавируя между редкими в утренний час пешеходами, фонарями и скамейками. Потом свернула в перегороженную сплошными воротами подворотню — пройдя прямо сквозь эти самые ворота. Остановилась в закрытом со всех сторон дворике. Дворике, дома которого резко отличались от парадных строений на пешеходной улице: обшарпанные, давно требующие как минимум покраски.

— Красота-то какая! — Аристарх выскочил из микроавтобуса, перескочив через неизменную большущую лужу во дворе — легко и непринужденно, что никак не вязалось его видимым возрастом, шестьдесят лет. А вот сколько именно было начальнику, на службе не знали. — Лепота!

Ника повторила маневр Аристарха, лужа осталась позади. Но девушке и было всего двадцать шесть.

С неба все так же сыпал мелкий дождик. Тербил поверхность лужи — наверняка не проникая в толщу.

— ...Ника, что ты там разглядываешь? Все равно ни одной луны не видно.

Это Аристарх. И его любимая присказка для привлечения внимания. Даром, что Ника смотрела не вверх, а вниз. И думала: почему эта лужа никогда не высыхает? Ребята еще всегда смеялись по этому поводу...

...Ребята. Пусть им там, где они сейчас находятся, будет хорошо!

Ника перевела взгляд на небо. Хмурое, пасмурное — по цвету. Но не по настроению. Будто не было — ни туч, ни мороси, но ярко светили солнце и луна. Да-да, именно луна: спутников у планеты Земля было два. Обычная Луна и огромная фиолетовая Геката, видимая даже в дневном свете — появившаяся после большой битвы магов десять лет тому назад.

— Ника... — Аристарх, уже вошедший было в подъезд, остановился.

Внимательно так посмотрел на магичку — будто впервые увидел.

— Иду.

Ника не любила пристальных взглядов наставников вообще, а уж начальника службы — тем более. Теперь же, после того, как выяснилось, что Аристарх темный волхв, Ника поняла причину своей «нелюбви». Волхвы все, как один, были телепатами. По крайней мере, так говорил лектор курса по «началам земной магии».

Поэтому девушка постаралась закрыть мысли и уже направилась было к службе, как вспомнила: Максим! Вот ведь. Так задумалась, что о своем спутнике, спасшем ее сегодня от воронки, забыла.

— Я тут. — Голос Максима шел из-за спины девушки. — Пойдем скорее. Нехорошо задерживать руководство. А на луны потом вместе полюбуемся.

Вот как? Ника обернулась — взглянуть в глаза цвета пасмурного неба.

— Когда облака растянет. — Пасмурное небо озарилось мягким светом.

Входом в службу служил обычный подъезд.

Дверь была не ахти: обшарпанная, на ржавых петлях, без каких бы там ни было опознавательных знаков. Домофон тоже отсутствовал.

— А зачем? — еще лет шесть тому назад ответил вопросом на соответствующий вопрос Ники завхоз службы Митрофан Игнатьевич. Но потом все же пояснил: — Там же заклинание защитное, никакой современный домофон с ним по силе и мощи не сможет тягаться.

Заклинание было не только защитное, но и опознавательное. На Максима должно было отреагировать пронзительным визгом. Ника уже приготовилась было, что у нее заломит уши, но дверь молчала.

— Странно. — Аристарх сориентировался быстрее Ники. Посмотрел на парня — пристально так, изучающе: — И много вас таких по улицам ходит?

Максим в ответ только пожал плечами.

— Вот что, Ника, — разом посерьезнел Аристарх. — Зайди к Митрофану, он уже в курсе твоих жилищных проблем. Я тебя вызову, дождись.

Ника согласно кивнула и направилась к лестнице: кабинет завхоза службы Митрофана Игнатьевича находился на минус первом этаже. Ника спускалась вниз по лестнице и думала: ее проблемы были мелочью по сравнению с тем, что может случиться, разгуливай по Москве (и не только) этакий недружелюбно настроенный Максим.

Лестница Нике нравилась.

Из белого камня, широченная, с неровными, выщербленными временем, потемневшими ступенями. И с гладкими коричневыми перилами, по которым девушка иногда, несмотря на то, что давно выросла из детских платьишек, съезжала вниз — когда никто не видит. Хотя в последнем, находясь на магической службе, никогда нельзя было быть уверенной на сто процентов.

А вот в том, что спустившись по лестнице, она попадет в самое атмосферное в Москве кафе, Ника уверена была. Там можно было взять у бармена вкуснейший капучино и, усевшись за столик под полукруглыми кирпичными сводами, наслаждаться лучшим на свете кофе. У Ники даже ритуал на первом курсе сложился: сбежать с какой-нибудь балластной пары типа экономики, спуститься в свое любимое кафе и думать. Например, о «пятом измерении», как выразился советский классик. По какому-нибудь техпаспорту БТИ их служба являла собой двух-, максимум трехкомнатную квартиру на первом этаже, окнами во двор. В то время как фактически служба имела два подвальных этажа и семь надземных. И комнат на каждом было с пару десятков.

Или вот о том, почему люди не видят Гекату. Она же круглосуточно в небе висит. Любуйся не хоч — когда на улице не пасмурно.

Но это на первом курсе Ника об этом думала. А вот на втором начала думать о другом: как люди не замечают в домашних зарождающуюся тьму — пока та не войдет в силу и не случится что-нибудь непоправимое.

В этот раз у Ники сидеть в кафе в одиночестве не было никакого желания: надумалась уже за три месяца, хватит. Поэтому девушка съехала по перилам и направилась напрямик к Митрофану — искренне надеясь, что завхоз не сильно занят. В здании, помимо оперативных служб, располагалась еще и альтер-матерь, магический университет. И за всеми, а за студентами-магиками особенно, был нужен глаз да глаз.

Однако в этот раз Митрофан Нику ждал.

— Входи, погорелица. — Завхоз оторвался от каких-то записей в толстой амбарной книге. Поднял на девушку непроницаемо черные глаза.

— Да уж... — Ника глубоко вздохнула. — Погорелица.

С одной стороны, квартира была служебная. Выделена два года назад, по окончании альтер-матери.

Но Ника успела к ней привыкнуть. Обжиться.

И потом, как же ее ноутбук? И книги, что обиднее. И милые сердцу безделушки, оставшиеся на память от бабушки Кати...

— Тебе есть, во что переодеться-то? — Взгляд завхоза был сочувственным. И изучающим одновременно.

Во что переодеться? Ника впервые осознала весь ужас положения. Ей что, так и ходить в этой одежде? Да, напротив службы находился ГУМ. Но разве в нем найдешь что-то приличное за приемлемые деньги?

— Не о том печалишься. — Судя по всему, Митрофан, как и Аристарх, был телепатом. Ника всегда подозревала об этом, а сложила два и два только сейчас. — Вещами на первое время я тебя обеспечу. Не хуже энтих, из дорогущей лавчонки, будут.

На лице завхоза отобразилось презрение. Потому что рачительный Митрофан был резко против какого-нибудь пиджачка за пару-тройку сотен тысяч?

— Да энти тряпки с таким *пошивом*, — распаялся завхоз, — и задарма не надобны!

Вот тут Ника была с собеседником не согласна. Видела она как-то в ГУМе сарафанчик — с виду простенький, но красивый и со вкусом. А то, что стоил почти двести тысяч и строчка в одном месте хромала — да кто ее будет разглядывать, строчку эту? В других-то магазинах такого красивого сарафанчика не было.

— Ишь, какие мы непритязательные, — фыркнул Митрофан. Вполне уже миролюбиво, впрочем. — Вот дадут тебе новогоднюю премию, и потратишь ее в ГУМе... на резинки от трусов. А я пока чаем тебя угощу. Не против?

Ника согласилась с радостью. Чай сейчас — самое то. И ну их, резинки от трусов. Лучше она новогоднюю премию на что-нибудь другое потратит.

— И это правильно, — одобрил телепат.

А Ника взглянула на собеседника по-новому: уж не из-за телепатии ли многие стороны-лись завхоза? А ну как не слишком чистые помыслы увидит? И относиться начнет соответственно. По службе даже байки ходили, как Митрофан подпортил жизнь Лелику Чисову.

Ника, с первых мгновений знакомства с завхозом почувывая пусть и не родственную, но вполне достойную душу, как-то набралась смелости и спросила у Митрофана: что за история с Леликом? Не выдумка ли?

«Дрянной он человечешко», — поджал тогда еще губы Митрофан.

А больше не сказал ничего.

Молчал завхоз и сейчас. Деятельно шуршал пакетиками с чаем и травами на полке.

Ника тоже не хотела болтать попусту. А потому просто смотрела на давно знакомого завхоза. Невысокий, коренастый. Волосы — если не сказать густая шевелюра — темно-темно каштановые, с единичными серебряными нитями. Такие же густые усы. Небольшая ухоженная борода. Безукоризненно сидящий сюртук. Белейшая рубашка. Острейшие стрелки на брюках. Надранные до кошачьего блеска туфли. И взгляд — цепкий, хоть и доброжелательный взгляд иссиня-черных, каких-то нечеловеческих глаз.

«Никогда больше не встречала таких людей», — пришла к девушке мысль.

— Так домовые мы-с. — Митрофан испытующе так посмотрел на девушку.

Домовой?! То есть, не человек? От удивления у магички в буквальном смысле этого слова отвисла челюсть. В том числе и потому, что домовые, по словам лектора по «нежити и мифическим животным», на людей похожи не были — скорее, на енотов.

— Только молчок. — Взгляд стал не просто цепким — пробирающим до костей.

Ника часто закивала головой: конечно, мол. Неудобные вопросы про енотов и внешность замерли на языке. Но один все-таки остался: с чего бы такая откровенность?

— Видно, время пришло, — пожал плечами завхоз. — Я как-то не задумываюсь на такие темы, Ника. Либо доверяю, либо нет.

— Спасибо. — Девушка наконец-то обрела дар речи. — За доверие.

— Не за что, — тепло усмехнулся Митрофан в усы. — А теперь давай чаевничать. Кексик будешь? Али фигуру блюдешь?

— А вам... — нет, с домовым на «вы» не годится. Он же ей открылся, а она ему выкает по привычке. — А тебе, поди, нынешние стандарты не по нраву? — исправилась Ника.

И уже с любопытством посмотрела на собеседника. Кто знает, как домовые относятся к девицам модельной внешности?

Или не модельной, как в ее случае — ростом не вышла. Но и фигуристой ее никак нельзя было назвать, субтильная слишком. Впрочем, ей самой ее телосложение нравилось. И...

Нике вдруг очень, вот очень захотелось посмотреть на себя в зеркало. Как-то она сейчас выглядит, после того как три месяца находилась в состоянии крайней заторможенности?

— Волосы русые, черты лица правильные, — тепло улыбнулся домовый в усы. — Глаза серые. И, кстати, блестят.

— Правда? — Ника не хотела спрашивать, оно как-то само вырвалось.

— Вот я и думаю... — въедливо уставился на собеседницу Митрофан. — А ты не влюбилась, часом?

В ответ Ника пожала плечами. Потом подумала и покачала головой: нет, не влюбилась. Заинтересовалась только.

— И кто он? — Митрофан с любопытством посмотрел на девушку. — Постой-постой... уж не тот ли, на кого дверь зачарованная не откликнулась?

«А ты откуда знаешь?» — хотела было спросить Ника, но тут же вспомнила: домовый.

И это многое, очень многое объясняло. То, почему Митрофан справлялся со своей работой — в которой утонул бы любой другой, и Аристарх Демьянович в том числе.

Равно как и то, почему Митрофана сторонились. Сила его была иной, не подвластной человеку, пусть и магу, природы. А люди часто бывают завистливы, вот и не любят тех, кто заведомо сильнее их.

— Надеюсь, твой новый избранник, — вкрадчиво произнес домовый, — не будет похож на Олега.

— Вот еще! — фыркнула девушка.

Да и в том, что у них с Максимом что-то сложится, очень и очень сомневалась. И вообще она не думала на эту тему. Вот с чего Митрофан это взял? И...

— Это хорошо, — продолжил развивать тему неправильных ухажеров Митрофан, — что ты от Олега ушла. Не пара он тебе был.

— Не пара, — правду было говорить легко и приятно.

Вспоминать только про бывшего не хотелось, даром, что после расставания прошло года полтора. Уж больно разительными были перемены в Олеге — после окончания букетно-конфетного периода. А ведь говорили ей не связываться с ним — и Ванька, и Лешка. И Димка тоже, даром, что молчун был.

— Не хочу о нем вспоминать, — поморщилась девушка.

— Вспоминать и не надо, — пожал плечами Митрофан. — Но выводы сделать и не наступать больше на эти грабли просто необходимо. И...

Митрофан хотел сказать что-то еще, но не успел. Что-то тихонько тренькнуло, а потом и взвыло — домовый мигом утратил лирический настрой.

— Заболтались мы с тобой, Ника. А время-то сейчас беспокойное, и... — домовый не договорил. Подумал и выдал нейтральное: — И студиозусы у меня не обстиранные. Так что давай, допивай чай и айда в хоромах новых обустраиваться. Но сперва... кайся.

— В чем? — оторопела Ника.

— Что тебе важнее? — Домовой миролюбиво усмехнулся. — Телевизор или микроволновка?

Телевизор или микроволновка? Каяться? Ника с трудом заставила себя не рассмеяться. Кстати, теперь стала понятной бережливость завхоза альтер-матери: у домовых она была в крови.

А из телевизора и микроволновки девушка выбрала последнюю. С нее хоть какой-то прок, в отличие от телевизора.

— Как скажешь, — не стал спорить домовый. Отвернувшись от девушки, начал нажимать кнопки на дощатой панели. Делал он это сосредоточенно и даже увлеченно, будто играя сложнейшую партию на аккордеоне. Кнопки при нажатии светились. — Стиралкой я тебя тоже обеспечу, это важно. И пылесосом. А то нос у тебя нежный, как бы аллергией не испортить. Ну и чайник с мультиваркой дам. И... и хватит с тебя.

Хватит, так хватит. Нике и всего перечисленного было более чем достаточно.

— Вот и хорошо, — тепло улыбнулся домовый. Протянул ключи. — Заселяйся, внучка.

Увидев бирку на ключах, выданных домовым, девушка не поверила своим глазам: мансарда!

Сколько себя помнила на службе Ника — а помнила уже лет восемь, пять с половиной обучения и два с половиной года сверху — в мансарде никто и никогда не жил. А вот заселиться туда хотели многие. Но Митрофан никому ключей не давал. Ни разу — за все восемь лет.

И вот теперь у нее на руках были ключи.

— Спасибо, Митрофанушка! — от души крикнула Ника.

И улыбнулась виду шарахнувшихся от нее троих студентов-магиков. Те, то и дело оборачиваясь, направились к классам. Не знали, что к завхозу можно испытывать благодарность?

Так или иначе, а студенты-магики теперь стали реальностью Ники. Все-таки ее новое пристанище — было не только службой, но и магическим университетом.

«Подумать только, снова альтер-мать!» — Магичка проводила взглядом еще одну стайку студентов, спешащих на занятия. Бросила взгляд на большие настенные часы: девять без минуты. Значит, скоро звонок. В альтер-матери, как называли магический университет все, и студенты-магики, и преподаватели, и даже сам Аристарх Демьянович, веками ничего не менялось.

«Ну а мне наверх, в мансарду», — напомнила себе Ника.

Принялась подниматься наверх по выщербленным временем ступеням — этаж за этажом.

Служба терез.

Здесь не обучали, но скорее воспитывали самых милосердных магичек (и иногда магиков). Им потом предстояло мягко и терпеливо вразумлять — тех, кого покровсало судьбой. Вразумлять обычно надо было до частичного восстановления — потом жизненные силы, присущие каждому человеку, уже завершали исцеление. А порой ситуация требовала куда более радикального вмешательства — когда человек мягкому вразумлению не поддавался, и через него начинала сочиться тьма, отравляя, заражая все и вся. Тогда призывали уже совсем других специалистов.

Служба исправителей, или «программистов».

Здесь не писали программы и игры — рассчитывали, как исправить судьбы некоторых людей. Ведь бывает так, что человек вроде бы живет по совести, старается, взбивает, как та лягушка, молоко в масло, никому не вредит, но жизнь все равно его топит. «Карма», — сказали бы в Индии и оставили такого человека в покое: в этой жизни с долгами расквитается, а в следующая уже воздаст по заслугам.

Ника не знала, правы индусы или нет. Но она понимала программистов и тех, кто учредил эту службу: иногда хотелось человеку помочь. А воспользуется он этой помощью себе во благо или нет — время покажет.

Вот только, чтобы пресловутую помощь оказать, программистам приходилось перелопачивать гигантские базы данных. И чаще всего в помощи все же отказывать.

Служба кулибиных.

Тут работали те, кто реализовывал единичные случаи, рассчитанные, проверенные и перепроверенные программистами. Размещались кулибины на том же этаже, что и программисты.

Служба травников.

Именно сюда поначалу попала учиться Ника — восемь лет тому назад. Но уже после первого курса перевелась к оперативникам, поскольку у травников девушке было скучно.

Служба ванг.

Весьма и весьма немногочисленная, ведь настоящего дара прорицания днем с огнем не сыщешь. Потому ванги находились на одном этаже с травниками.

Оперативная служба.

Здесь Ника обучалась, начиная со второго курса. Там и познакомилась с Ванькой, Лешкой и Димкой. Хорошие все-таки они были ребята. Пусть им будет хорошо, где бы они ни находились.

Стихийные маги.

Тут учились те, кто был расположен к той или иной стихии: земли, воды, огня, дерева или металла. Но именно расположен, настоящих магов в Москве не было. Зато из тех, кто обучался на местном стихийном факультете, получались неплохие ремесленники. Или врачи, если у человека имелась соответствующая склонность.

«Почему врачи?» — спросила Ника у Аристарха Демьяновича, когда тот читал им, первокурсникам, самую первую лекцию.

«Потому что у человека в каждом органе живет своя стихия, — как само собой разумеющееся произнес тогда ректор альтер-матери. А потом пристально так посмотрел на воспитанницу: — Но вам это не нужно, у вас другие таланты и склонности».

В тот раз Ника долго ловила на себе взгляды однокурсников: заинтересованные, исполненные целого спектра эмоций, просто оценивающие. Но постепенно внимание обучающихся переключилось на лектора и лекцию.

После той лекции Ника набралась смелости и подошла к Аристарху. Тот помолчал какое-то время — точно взвешивал, отвечать на вопрос или нет. Потом все-таки заговорил.

«Вы — маг души. Поэтому у вас будет получаться все то, к чему у вас лежит душа. К лечебному делу она у вас не легла, к ремеслам тоже. Учитесь прилежно, а время покажет».

Что же, время показало.

Показало то, что Ника вошла в число тех немногих, кого Аристарх Демьянович называл на «ты».

А вот когда на факультет стихийников попадали настоящие маги — а такое редко, но все же случалось — их переводили под Звенигород, в магический Заповедник.

Ника посещала Заповедник, когда была на первом курсе, — во время плановой экскурсии. Но их, первокурсников, было очень много, шума они производили еще больше, и Ника толком ничего не запомнила. В памяти остались стихийные, или элементарные корпуса — огня, металла, воды... И то, что начальника Заповедника волхва Борилия в миру называют Борис Кириллович.

Служба ликвидаторов.

Самое, пожалуй, закрытое отделение. И в то же время — самое приземленное. Специалисты именно этой службы выезжали ликвидировать остатки последствий работы оперативников. И отсюда же направляли к тем, кто перешел черту настолько, что его требовалась стереть с лица Земли.

И, если с ликвидаторами последствий Ника нет-нет, да пересекалась, то с ликвидаторами жизни — палачами, как их еще иначе называли, — нет.

Верхний этаж занимали теоретики и аналитики.

Теоретики — они и в Африке теоретики. На полигон лучше не пускать, на улицы тоже. Но именно эти ребята рассчитали и спроектировали первый светоизлучатель, за что им огромное спасибо. Чем аналитики отличались от теоретиков, Ника так и не поняла, хотя как-то попыталась и даже прочла толстый учебник, заснув над ним всего пару десятков раз.

Выше теоретиков была только мансарда. И крыша, откуда был виден и Кремль, и фонарики на Никольской, и, если приглядеться, — нечто. Нечто такое, чему у Ники не было названия. Не город, нет. И не лес. Что такое — то переливающееся всеми цветами радуги, то просто слепяще-светлое, если совсем уж долго приглядываться. Но видимое нечетко, ведь его заслонял собой город.

Кстати, над крышей не капало — даром, что Никольскую поливал дождь: над альтер-матерью был установлен защитный купол. Из-за воронок? И, если так посмотреть, то из-за нее? Ведь на нее охотились те воронки в старых переулках? И опять же, дом у нее сгорел одновременно с появлением воронок.

Или воронки охотились на Максима?

...Кстати о Максиме. Кто же это такой? Может, спецназовец: один его перелет над трехметровым забором в духе Джеки Чана чего стоит. А может, состоит в какой-нибудь альтернативной службе, следящей за порядком в мире.

А может, просто самоучка? Точнее, самородок — как она и решила с самого начала. Достаточно сильный, чтобы не искать защиты у сильных мира сего — до тех пор, пока не призовет одна из сторон.

Ответов на эти вопросы у Ники не было.

А над городом уже всю резвилась непогода. Небо почернело, по куполу уже не стучало, но лило. И хотя Ника была не просто уверена — знала, что купол никакими дождями не размыть, а ей стало неуютно. Девушка отправилась осматривать новое жилище.

Глава 6, в которой Ника и Максим смотрят на обе луны

— И кто ты?

Начальник московской магической службы Аристарх Демьянович Заречный с любопытством смотрел на Максима. Опыт прожитых лет подсказывал, что парень не подаст себя на блюдецке с голубой каемочкой, не перескажет жизнь от горшка и до настоящего разговора.

Но начальник службы на это и не рассчитывал. Минимум — на лояльность в соблюдении правил и техники безопасности обращения с силой. С немалой силой. А вот максимум... На максимум Аристарх мог только надеяться. Хорошо бы такого, как Максим, числить в оперативниках службы — с учетом появления давешних воронок.

— Маг. Светлый. — Максим оправдал предположение о «минимуме».

— Год и место рождения? — Аристарх глубоко вздохнул и открыл журнал постановки на учет.

— Давно и далеко. — Максим стоял к начальнику службы спиной.

Смотрел, как стекают по стеклу капли дождя.

— Вот как? — усмехнулся Аристарх.

Он видел таких своенравных. И не только таких: за сто двадцать лет, что он возглавлял московскую службу, на всяких насмотрелся.

Вот только, редко кто из своенравных вызывал такую симпатию, как этот парень. Чувствовалась в нем сила — спокойная, дремлющая. Дремлющая до поры до времени.

— Поверьте мне, Аристарх-х... — Максим замешкался.

— ...Демьянович, — напомнил начальник службы. Отметил про себя: снова в голосе странного парня слышится это еле заметное шипение. Как и недавно в микроавтобусе, когда Максим дал ему характеристику «наш-ш, двусторонний». А потом исправил на «светлый темный волхв».

И надо сказать, оказался совершенно прав. Аристарх Демьянович Заречный действительно был темным волхвом — то есть, не просто некромантом, магом жизни и смерти. А именно волхвом, могущим одновременно существовать в двух мирах, живых и ушедших. И именно светлым, поэтому темными путями не ходил, даже в том, что касалось простых повседневностей. Снять порчу мог. Навести — нет. Это было противно его душе.

— Вы мне не поверите. — Максим отвернулся от окна. Посмотрел на собеседника — Аристарху показалось, что глаза парня полыхнули золотым пламенем.

Он открыл было рот, чтобы что-то добавить еще. Но что именно, так и осталось невыясненным: завyla, заверещала сирена.

— Не хочешь откровенничать — не надо. Мне пора, и на политесы с тобой времени нет. Расписывайся побыстрее. — Аристарх пододвинул парню раскрытый журнал. — Правила интуитивно понятные. На улицах не шалить, в чужие разборки не лезть, в...

— Я с вами. — Максим оборвал Аристарха на полуслове. — Вам понадобится союзник.

— Вот как? — Аристарх пристально, остро посмотрел в глаза парня.

— Да. — Максим принял взгляд. — Вы по своим возможностям работать будете, а я — по своим.

— Даже так?.. — Начальник службы больше не думал. Времени не было. В то, что Максим сыграет против него, он не верил. Не вязалось — ни поведение парня, ни то, что о нем уже было известно, — с человеком, могущим нанести удар в спину. — Тогда по коням, соратник. А бюрократию... — Аристарх сунул журнал в ящик стола. — Бюрократию разведем позже.

По результатам.

Конечно, в новое жилище можно было попасть и через окно-на-крыше. В процессе оперативной работы хрупкой девушке иногда приходилось лазить в форточки, ведь парни из ее четверки были куда более массивными. Вот только делать это именно сейчас Нике не хотелось. Что-то такое, связанное с ритуалами и правилами, Ника помнила, пусть и смутно, из лекции первого курса про домовых, леших и иже с ними. Конкретика уже позабылась, но магичка была уверена: не стоит, ой, не стоит начинать знакомство с домом с проникновения через форточку — аки тать какой. Поэтому Ника вернулась на лестничную клетку, чтобы войти в новое жилище через дверь — чин по чину. Нашла нужную дверь, вставила ключ в замочную скважину. Тот повернулся, причем сам — точно приглашая внутрь.

— Вот это да... — Ника с восторгом рассматривала свое новое жилище.

Ай да мансарда — специально приготовленная для нее. И не кем-нибудь, а самым настоящим домовым!

Камин, уютное кресло рядом, штабель дров. Громадное наклонное окно с видом на город — поверх крыши. Небольшой кухонный уголок с обещанной мультиваркой на деревянной столешнице и бонусной туркой на плите.

— Спасибо, Митрофанушка! — поклонилась в пол Ника.

Поднимаясь, увидела массивную деревянную столешницу — тянулась вдоль окна — как раз такой ширины, чтобы было удобно и писать, и чаевничать с видом на город. Тут же, на столешнице, обнаружился ноутбук. А еще тетради и ручки, вызвавшие у девушки новый прилив умиления и благодарности.

— Ты так меня захвалишь! — грянуло из-под потолка. — А мне еще студентам постельное менять.

— Ничего не могу с собой поделаться, батюшка Митрофан!

Ника ничуть не раскаивалась: доброе слово, как известно, и кошке приятно. А домовой — не кошка. Вот и мягкий диван поставил напротив камина. Ника попробовала — диван будто обнимал, обещал покой и безмятежность.

С дивана девушка все-таки поднялась: часть жилища осталась необследованной.

Сбоку от дивана расположился шкаф-купе. И зеркало, в котором она отражалась так, что сама себе позавидовала. Подумала вдруг: почему тут так хорошо? Может, оттого, что здесь все — от темных деревянных балок до безукоризненно-чистого, хоть и выдавшего виды ковра на полу, дышало уютом и простотой?

Или просто потому, что жилище готовил домовой и готовил специально для нее?

Ника засыпала кофе в турку, поставила на огонь. Дождалась, пока закипит, поднимется пенной шапкой, сняла — тютелька-в-тютельку. Налила аккуратно в чашку. И какое-то время пила по маленькому глоточку кофе — вкуснейший, ароматный. Слушала, как шумит непогода за окном — сотрясая, налетая на защитный полог — и думала: и все же, почему, почему Митрофан ей открылся?

А потом девушке думать надоело, да и кофе кончился. Аристарх не звонил — видимо, был занят, не до Ники ему сейчас было. Оставалось только одно: дообследовать жилище.

Неизученным остался только шкаф и антресоли в самом верхнем углу мансарды. Но до антресолей без стремянки дотянуться возможности не было. Поэтому Ника отодвинула дверцу шкафа-купе... Да так и замерла с открытым ртом. В шкафу были вещи. И, насколько успела узнать Ника домового, вещи были ее. Или?..

Ника неуверенно потянула с полки джинсы. Не удержалась, примерила — те сидели как влитые, будто на нее были сшиты.

— Митрофан, это мне? — все-таки спросила Ника.

— Тебе, — грянуло из-под потолка. — Взамен сторевающих. Я сейчас занят, не мешай.

Обалдевшая от заботливости по сути чужого и чуждого ей существа Ника еле слышно пробормотала «спасибо». И тут заметила сарафан — синий с белым, висевший на плечиках. Разумеется, сарафан тоже подошел. И выглядела она в нем на все сто, если не двести. И, конечно же, все строчки были ровнехонькие, хоть в палату мер и весов сдавай.

Эх!.. Ника немедленно пожалела, что на дворе дождливая осень. Будь сейчас лето, можно было бы пройтись по Никольской, и все городские модницы лопнули бы от зависти.

Ника сняла сарафан и аккуратно повесила обратно в шкаф. Подумала: домовый был явно не из тех, кто все делает только на половину. Причем, худшую.

Кстати, о делах. Наверное, надо было найти себе какое-то дело, ведь день только начался. Но.

Невероятно мягкий, уютный-уютный диван буквально притягивал не спавшую всю ночь девушку. Да и вообще плохо спавшую последние месяцы.

«Я всего на минутку», — пообещала Ника самой себе.

Устроилась в уголочке, чтобы ненароком не заснуть. И буквально провалилась в сон.

Ближе к вечеру ветер стих.

Даже не верилось, что весь день все вокруг ревело и стонало, а на защитный купол альтер-матери один за другим обрушивались атаки — непогоды?

Надо было идти к Аристарху. И просто потому, что надо. И потому, что у начальства, возможно, мог оказаться ее давешний знакомый Максим.

...Или не оказаться. Парень мог расписаться в журнале техники безопасности и уйти. И больше никогда ей не встретиться. И останется ей только сказать Максиму спасибо в сердце своем — за то, что заступился за нее в кафе. И за прогулку под морозящим дождем. За стейк. И за беседу — ни о чем и обо всем на свете.

Но как все-таки было бы хорошо, если бы они еще встретились. Девушка глубоко вздохнула и... вылезла на крышу. На этот раз — через окно. Для разнообразия.

Поверхность крыши, несмотря на недавнее буйство стихий, была абсолютно сухая — у альтер-матери был очень хороший защитный полог.

— Посижу и решу, что делать. — Ника села на кровельное железо.

Было тихо-тихо. Светились обе земные луны — одна привычно-серебристая, вторая фиолетовая. В их свете рубиновые звезды на башнях Кремля переливались сиренево-карминным.

«Быстро же я к альтер-луню привыкла», — усмехнулась магичка.

А ведь во время учебы в обычной общеобразовательной школе она и слыхом не слыхивала о том, что у планеты Земля, оказывается, не один, а два спутника — причем, уже целых десять лет. Получается, второй спутник появился примерно тогда, когда она училась в старших классах. Уж старшеклассникам-то можно было о таком рассказать? Как раз астрономию проходить начали.

Зато в магическом университете о Гекате на первой же лекции, этакому ликбезу для вчерашних школьников, рассказал начальник московской магической службы, он же ректор московского магического университета Аристарх Демьянович. И как ни странно, все, вот реши-

тельно все первокурсники сразу Гекату увидели. И нет, это не было массовым гипнозом, как подумали некоторые.

Рассказывал Аристарх Демьянович и о многом другом. Например, что студентам альтер-матери повезло куда больше, чем бюджетникам МГУ. Прежде всего потому, что им не придется искать место под солнцем — они его уже нашли. Что окончат магический университет они уже с профессией и сразу начнут работать.

Ника сидела за второй партой огромной многоступенчатой аудитории и слушала Аристарха Демьяновича чуть ли не открыв рот. А сама думала: хорошо, что она послушалась ту девушку, которая пришла к ним в школу и посоветовала ей подать документы именно в этот университет — со странным наименованием «первый гуманитарный». И не просто подать, а приехать лично. Тогда-то и выяснилось, что университет не столько гуманитарный, сколько магический. А «первый» он потому, что просто первый. Появился без малого пять веков тому назад, когда никаких других университетов еще и в помине не было.

«В эпоху Возрождения встал вопрос, куда девать магов, — характерный голос Аристарха Демьяновича так и стоял в ушах. — Да-да, выживших после истребления в средневековье. Так что первым ректором альтер-матери можно и нужно считать маэстро Леонардо да Винчи. Он сумел создать высшую школу магов — под прикрытием, разумеется. Потом этот опыт переняли и в России».

...Переняли в России.

Ника представила, каково это было — в эпоху полыхающих костров создать школу магов. Тут в продвинутом XXI веке приходится скрываться и следить за языком, чтобы, не приведи хранители, не сболтнуть про две луны при простом обывателе, который одну из них почему-то не видит. Даром, что Геката, большая из двух лун, была очень хорошо видна невооруженным глазом на дневном небосклоне. Во-он она, фиоле...

— ...товая, — ошарашенно закончила вслух мысль магичка.

Раздался оглушительный хлопок, мимо крыши пронесся голубовато-серый сгусток-туман. А потом и послышался дребезг разбитого стекла.

— Митрофану на радость. — Ника ярко представила, как будет качать головой домовой.

Но при этом вряд ли всерьез огорчится: очевидно, произошло что-то из ряда вон, по сравнению с чем разбитое окно — сущие пустяки. Только вот, что?

Долго ответа ждать не пришлось. Снова появился голубовато-серый сгусток — материализовался метрах в двух от магички. Та не успела толком среагировать, да и не понимала, как. А невесомый на вид сгусток грохнулся о крышу, и перед глазами изумленной девушки появился добрый молодец. Максим?..

...Или нет? Этот парень был и похож на Максима, и нет.

— ...Я так и знал, что застаю тебя здесь, — не проговорил — прорычал парень.

Огромный, как показалось Нике, разъяренный — того и гляди, сбросит-смахнет с крыши! Или просто прибьет.

Девушке бы испугаться — и это было бы абсолютно нормально при таких-то обстоятельствах — но она неожиданно для себя самой спокойно, нараспев произнесла: *чудный вечер...*

*Чудный вечер. Альтерлуние.
Ветерок скользит по крыше.
Мы с тобой наверх поднялись,
Чтобы города не слышать.*

И, по мере того, как Ника произносила напевным речитативом слова, парень приходил в себя.

*Все, что было — уже в прошлом.
Битвы. Перекрестки. Люди,
С кем не хочется встречаться...
Ты садись. Поближе будем.*

— А не забоишься?

Вот теперь в словах парня слышалось смущение.

— Уже не испугалась. — Ника пожалла плечами. Подумаешь, что-то у парня случилось, после чего он появился взвинченным.

Кстати, а что случилось-то? Девушка с интересом посмотрела на Максима. Увидела: в серых глазах любопытство. То есть, уже любопытство, не ярость — и это было поистине хорошо.

— А ты, оказывается, еще и стихоплет. — Максим уселся рядом.

— Лирик, ты хотел сказать. — Ника не хотела поправлять или спорить собеседника. Просто ей не нравилось слово «стихоплет». Что-то в нем было такое от ремесла. Как будто она лапти плела на постоянной основе ради куска хлеба.

— Согласен. — Максим с интересом посмотрел на девушку. — Ты — именно лирик. Обучалась лирике в академии?

— Нет, — засмузилась магичка.

В альтер-матери не готовили лириков: не было соответствующих преподавателей, это раз. Два, мало кто был способен именно на магию-лирику, даром, что сейчас баловались поэзией все кому не лень. Для мага-лирика важно было вложить силу и душу в строчки, создать настроение, меняющее реальность. Вдобавок, лирик работал как камертон и только на своих частотах, ведь у него была только одна душа. А настраивать всех и каждого на свою частоту было очень и очень плохой затеей, как объяснил Нике в свое время Аристарх Демьянович, еще в конце первого курса. Мол, взамен исцеления пациент может получить целый букет самых разнообразных болячек, ведь его организм будет вынужден настроиться на чуждые ему частоты. И еще неизвестно, сможет ли потом перестроиться обратно. В общем, простая поэзия была куда безобиднее, чем магия-лирика.

Все это Ника изложила в двух словах. При этом она не могла не заметить то, что ее частоты самым лучшим образом сказались на собеседнике: он мгновенно пришел в себя. Но разумеется, вслух об этом не сказала.

— Вот поэтому я простой оперативник, — подытожила магичка.

Правда, в оперативники Ника пошла не сразу. Сперва отучилась год на травника, но потом перевелась: не хотелось ей идти работать травником, не видела она в этом свое призвание. У оперативников же было живее и интереснее. Ей было именно интересно учиться: боевые заклинания, совместная работа, боевое слаживание. А потом и применение наработанного у лицах.

А лирику Ника не то чтобы забросила совсем. Так, зарисовывала иногда моменты. Но по большому счету, восемь лет дремала лирика в Нике — до появления Максима на крыше. Или, все же, до встречи с ним в том кафе?

Кстати, о крыше.

— ...Смотри, как красиво, — именно в тот момент, когда девушка хотела спросить, что же произошло и почему Максим появился так, как появился, тот указал на небо.

Светилась огромная фиолетовая Геката. Поодаль — бледно-золотистый молодой месяц. Казалось, вниманием собеседника целиком владело зрелище.

А может, так оно и было: от Максима исходил неподдельный интерес. И восхищение. А еще спокойствие.

— Очень, — улыбнулась Ника. — Очень красиво. Мне правда нравится.

Они какое-то время сидели, смотрели на небо. Казалось, что не существует больше ничего — только старая крыша, Кремль в отдалении и альтерлунье.

Но потом Ника снова вспомнила, в каком состоянии еще совсем недавно был ее спутник. Наверняка он был голодный.

— Есть хочешь? — поднялась девушка на ноги.

Однако поесть в этот раз не удалось. Нике наконец-то позвонил Аристарх:

— Максима рядом с тобой, часом, нет?

— Есть. — Отпираться было бессмысленно.

— Вот и чудесно, спускайтесь оба ко мне в кабинет.

Вид у Аристарха был не очень.

Сколько Ника себя помнила, начальник службы выглядел — и был, Ника в этом была уверена, — свежим. Есть такое русское выражение «как огурчик». Вот Аристарх всегда был как огурчик.

Всегда, но не сейчас: весь какой-то помятый, уставший, с отросшей щетиной. Трехдневной как минимум.

«А ведь еще утром был гладко выбрит», — вспомнила Ника.

— Отросла, — на автомате прочитал мысли сотрудницы телепат. — Чай?

— Будем! — деланно бодро откликнулась Ника.

Чтобы скрыть смущение из-за своих мыслей об отросшей щетине. И только потом спохватилась: она из-за своих смущений ответила не только за себя, но и за Максима.

Но парень против чая не был. А еще, — отметила про себя девушка, — он и Аристарх успели побывать в серьезной переделке. Уж кого-кого, а боевых если не друзей, то напарников магичка вычислять научилась. У них движения были слаженными — настолько, насколько могут быть у людей, у которых от согласованных действий зависит их жизнь.

Интересно, что же произошло?

Однако вопросы Ника задавать не стала: возможно, Аристарх сейчас об этом расскажет сам. Или Ника сама обо всем узнает потом — тем или иным образом.

А пока — чай.

Про гостеприимство начальника службы Ника знала не понаслышке. Бывало, вернешься с какого-нибудь серьезного задания вместе с ребятами, начальство пригласит в кабинет на разбор полетов, поставит на стол торт, заварит несколько сортов чая на выбор. И вот ты пьешь этот чай, ешь тортик, а все проблемы, которые мог преподнести этот день, уже остались позади. И только Аристарх в который уж раз напоминает о том, что впредь надо быть осторожнее.

Все это осталось в прошлом.

Сейчас Ника сидела рядом вместе с возможным новым напарником — за длиннющим столом. Смотрела, как начальник службы заваривает чай. Восхитительный ароматный и при этом чистый без каких бы то ни было добавок чай. Разливает по фарфоровым чашкам. А потом и достает неизменный торт. Насколько могла судить Ника по внешнему виду — медовик.

— Митрофан Игнатьич лично доставил. — Начальник службы принялся нарезать торт.

«А может, испек?» — догадалась Ника.

Но вслух не сказала ничего. И на вопросительный взгляд начальника не ответила — только мысли постаралась закрыть. Но не преуспела.

— Открылся, значит, — усмехнулся Аристарх. — Поверь, на моей памяти Митрофан открывался всего три раза. Один из них — мне, а второй — тебе.

Вот как? — Глаза Ники от удивления распахнулись — шире некуда.

— Это его дело, кому открываться, — повторно усмехнулся Аристарх. Тепло, впрочем, на этот раз. — Я ему абсолютно доверяю в этом вопросе. Как тебе твоя новая мансарда, кстати? Если я не ошибаюсь, Митрофан тебя туда определил?

— И за это ему огромное спасибо.

Сказать по правде, девушка растерялась. В том числе и потому, что не хотела полностью раскрываться перед начальником службы, ведь, как оказалось, он был темным волхвом. А значит, абсолютным телепатом.

Но и поселили ее туда, куда поселили, не без участия начальника службы — к вангам не ходи.

— Вот и не надо к ним ходить, — бросил на подчиненную быстрый взгляд начальник службы. — Но я рад, что тебе понравилась мансарда. А теперь перейдем к предмету нашего небольшого собрания. Надо обсудить положение в столице.

Положение складывалось не ахти.

— Ника, с завтрашнего утра ты выезжаешь на задания.

— То есть?

А как же воронки? Опасность миновала?

— Выезжаешь вместе с Максимом. — Аристарх сделал вид, что не заметил — ни удивления сотрудицы, ни ее громких мыслей.

Как ни в чем ни бывало принялся рассказывать, что по расчетам аналитиков службы, в городе открылась охота.

— На тебя, — вперил начальник службы пронзительный взгляд в Нику. — И на Максима, — не отвел взгляда от девушки он.

— Но...

Ника не знала, что сказать. И не потому, что она испугалась — вовсе нет. Скорее, удивилась. То сиди на службе и не высовывайся. То — иди работай приманкой.

— Максим сможет тебя эвакуировать. — Аристарх посмотрел на парня.

— Смогу, — подтвердил тот.

— А... почему? — Ника не знала, как сформулировать мысль.

Почему они тогда улепетывали от той воронки? Мчались — до скрежета шестеренок и визга тормозов на поворотах — по московским улицам? Раз Максим мог, как выражается Аристарх, ее эвакуировать, то почему он этого не сделал?

— Потому что мы уже выехали за тобой, — пожал плечами начальник службы.

— Не хотел раскрыться раньше времени, — высказал свою версию парень.

А теперь время пришло? — усмехнулась девушка.

Но вслух не сказала ничего, подумала только: раз Аристарх говорит, что Максим сможет эвакуировать, значит, уверен в этом на сто процентов. То есть, испытал на себе. Что же произошло, пока она обустривалась в мансарде?

«Кто же ты?» — перевела Ника на парня взгляд.

Но и от этого вопроса вслух удержалась.

— Ника, я и сам очень многого не знаю, — тихо произнес начальник московской магической службы. — Очень и очень многого. Но одно мне уже ясно. Если мы не выясним, что это за воронки, будет очень плохо. Погибнет много людей.

Какое-то время Аристарх говорил. Из этой речи Ника поняла, что аналитики рассчитали периоды активности воронок на ближайшие сутки. Ночью нападения не прогнозируют. Где-то с пяти-шести утра — вероятность возрастает.

— Мы не можем подвергать опасности простых людей, — подытожил размышления Аристарх. — Могут погибнуть сотни, тысячи мирных горожан. Вам, — посмотрел он Нике в глаза, — придется вызвать огонь на себя. Потому что в случае чего вы сможете уйти. А простые люди — нет. А мы пока будем анализировать, что такое эти самые воронки. И разрабатывать схему борьбы с ними. Так понятно?

— Яснее некуда. — Ника потянулась за куском торта.

Вот про него точно было известно, причем заранее: он невероятно вкусный.

А о том, что произошло несколько часов назад и откуда у Аристарха появилась такая вера в таланты Максима, она узнает у собственно Максима. После этого совещания.

Глава 7, в которой на службу нападают

— Значит, ты теперь здесь живешь-ш.

Максим медлил у входа в мансарду.

— Проходи, что же ты? — Ника с удивлением смотрела на спутника.

То он ограды трехметровые не перемахивает, но перетекает. То сигнализации отключает при входе на магическую службу — а это, на секундочку, еще не удавалось никому! А теперь вот застыл на пороге самого лучшего на свете жилища с самым лучшим видом из окна.

И шипение, снова это странное еле различимое шипение в его голосе.

— Приглашаешь-ш? — Вопрос звучал более чем серьезно.

С друзьями Ника отшутилась бы. Да и в любой другой ситуации тоже.

Но в тоне парня чувствовалось что-то такое... чему у девушки не было — ни определения, ни названия. И она должна была дать ответ, и это Ника тоже чувствовала.

— Да, приглашаю, — с легким сердцем произнесла она.

— Спасибо. — Максим переступил через порог. Наклонил голову — точно поздоровался с жилищем.

— Кстати! — спохватилась Ника. — Тебе есть, где ночевать-то? — Щеки порозовели, но девушка не отступила. — В смысле, тебе уже выделили комнату на службе?

— Нет.

— И Митрофан, поди, уже не хозяйствует. Поздно уже. — Ника огляделась.

Не может быть, чтобы в мансарде не было предусмотрено какого-нибудь лишнего матраса. Например, вон на тех антресолях, до которых она не могла дотянуться.

Зато смог Максим — и дотянуться, и обнаружить не только матрас, но еще и раскладушку.

— Останешься ночевать. — Для девушки было немыслимо выгнать напарника. — Сейчас одеяло найду.

— На тех же антресолях посмотрите, — грянуло откуда-то сверху. — В глубине.

— Спасибо, Митрофан! — от души поблагодарила Ника. Все-таки нехорошо получилось бы: пригласила человека, а ему нечем укрыться.

— Ты еще блюдечко с молоком у камина поставь, — раздалось ехидное в ответ. — Проголодаетесь — поищите еду в кладовой. А у меня рабочий день закончен.

Дальше пошло что-то невнятное, похожее на затихающее бормотание. Будто кто-то неспешно удалялся.

— Ну как-то так. — Ника развела руками. А потом посмотрела на Максима.

— И?.. — с любопытством осведомился парень. — Кто был этот дух?

— Наш до... завхоз, Митрофан Игнатьич, — все-таки не решилась девушка сказать правду. Домовой-то открылся только ей.

— Домовой, значит. — Максим сложил два и два. — Так вот про кого говорил Аристарх Демьянович!

Он не ждал ответа от Ники — принялся осматриваться. Подошел к окну — проверил, крепка ли рама. Потом проверил дверь. Чуть ли не заглянул в камин...

— Молодец он у вас, Митрофан, — наконец вынес вердикт.

Ника молча кивнула. Все это время она наблюдала за напарником — с любопытством первооткрывателя. Сама-то она не сомневалась: защищенное Митрофаном жилище выдержит прямое попадание авиабомбы. А то и двух, даром, что те, вроде как, в одну воронку не падают.

Но Максим Митрофана не знал, отсюда и его проверки жилища на прочность.

Хотя, если вспомнить, как он дожидался приглашения у входа...

Все-таки, было в Максиме что-то нездешнее, — вдруг поняла Ника. Он был слишком — надежным, сильным, смелым. Никогда раньше девушка не встречала таких парней. Ребята из их четверки тоже были не промах. Но не настолько, по-человечески.

— Кто ты? — вырвалось у девушки.

— Потом откроюсь. — Максим смотрел прямо в глаза. — А сейчас могу сказать только одно: тебе не надо бояться. Ни меня. Ни со мной.

— Хорошо, не буду, — пожала плечами Ника.

Все-таки в глубине души она надеялась на откровенность. А ведь в Максиме, помимо чрезмерной надежности, была еще и чрезмерная сила. И не приведи штатные хранители, он направит эту силу на нее.

— Тебе не надо бояться, — мягко повторил парень. — Я не причиню тебе вреда. Никогда. Никогда? А такое вообще возможно? Ника глубоко вздохнула.

Поймала себя на опасении — закономерном, чего греха таить. На одной чаше весов была врожденная, даже биологическая осторожность. Чувства девушки вопили: этот человек опасен! Опасен просто потому, что он гораздо сильнее, и ей не удастся с ним справиться, захоти он направить свою силу против нее.

Другая же ее часть говорила: этот человек — за нее. Откуда Ника это знала? Просто — знала, и все.

Оставалось только прийти в гармонию с собой и своими чувствами. И можно это было сделать одним способом. Довериться напарнику — и таким образом той части себя, что откуда-то знала: Максим не враг.

Ника закрыла глаза. По ощущениям это оказалось сродни прыжку с парашютом. Когда ты отделяешься от самолета, шагаешь в пропасть — несмотря на миллионы-летнее знание: падение с такой высоты не оставляет шансов.

На прыжках у нее за спиной был парашют.

Сейчас — только слово Максима. И непонятно откуда взявшаяся вера в этого человека.

— Я тебе верю. — Ника прислушалась к себе. Да, так и есть. Она действительно верила напарнику. — А теперь пойдем, посмотрим, что там есть вкусного в кладовой.

Кладовая была не просто огромна — она потрясала размерами.

— Тут не обошлось без магии пространственных искажений, — пояснила Ника.

— И огромного количества колонн, — хмыкнул Максим. — Но все равно впечатляет.

Помещение уходило далеко-далеко, за Исторический музей. А может, и дальше. И все оно, от неровного, с выбоинами пола из посеревшего от времени белого мрамора до беленого потолка было уставлено стеллажами — крепкими, дубовыми.

— Посмотрел? — Ника защелкала выключателями.

Свет почти на всей территории хранилища погас. Только над ближайшими стеллажами остались гореть лампы.

— Кстати, глянь сюда. — Девушка провела рукой по ближайшему стеллажу. — Это тебе не «Идея²» какая-нибудь.

Ника, примерив на себя роль экскурсовода, по-новому взглянула на довольно хорошо изученную ей кладовую — по крайней мере, в обозримой ее части. Стеллажи в кладовой были собраны не из хилых дощечек — сколочены из дубовых досок на века.

— И что такое «Идея»? — Максим с любопытством смотрел на девушку.

² Здесь должно было стоять название известного скандинавского мебельного магазина, но закон о рекламе настолько суров, что пришлось заменить на «Идею»

— Ты не знаешь? — Ника не верила своим ушам. На языке вертелось «ты что, с луны свалился?»

Почему-то вспомнился самый первый разговор, в том кафе. Максим тогда еще произнес: «Ночной дозор. Всем выйти из сумрака». Получается, новейшую литературу читает, а про «Идею» не знает?

Однако вслух девушка не сказала ничего.

— Я долгое время был... не здесь, — добавил загадок Максим. — Так что такое «Идея»?

Ника как могла пояснила: сеть громадных мебельных салонов. Потом и от себя историю добавила: как-то их четверка ловила носителя тьмы в лабиринтах «Идеи». То еще было приключение.

— Ты скучаешь по соратникам. — Максим смотрел девушке в глаза.

— Да. — Ника не опустила взгляд. — Они были классные. Такие...

— Какие? — Максим дотронулся до руки собеседницы.

«Живые», — хотела было сказать девушка. И не смогла: слезы хлынули из глаз. Ника разревелась навзрыд. Словно разом сгинули преграды, защиты и препоны психики. Все, что болело, сжигало и давило, стремительно выходило наружу — сплошным потоком.

А потом слезы кончились. Ника подняла ясные глаза на парня.

— Спасибо.

Откуда-то девушка знала: этот сброс наболевшего — заслуга Максима.

— Теперь тебе будет легче, — улыбнулся парень. И Ника снова подумала: будто грозовое небо осветилось солнцем. — Я видел, ты еще в том кафе боролась с собой. А теперь тебе не надо будет этого делать.

— Ага, — согласилась девушка. — Что боролась, помню. А что чувствовала, — сверилась она с собой, — нет.

— Тогда цель достигнута, — снова улыбнулся парень.

— А?..

— Что это было? Считаю, тебя промыло водой. Большим количеством воды.

Воды? Большим количеством? Судя по потоку слез, воды было изрядно. Но как это вообще возможно — промыть человека?

— Расскажу как-нибудь, — пообещал Максим. — Но не сейчас. Сейчас давай искать еду. Я тоже, как и ты, проголодался.

Они двинулись вглубь кладовой.

— Некоторые вещи тут хранятся веками. — Ника уверенно прошла несколько стеллажей — огромные латанные-перелатанные холщовые мешки, оплетенные бутылки литров на двадцать-тридцать.

Бутылки, рядом с которыми мирно соседствовали вполне современные фляги разного литража. И армейские сухпайки в камуфляжных упаковках.

— А вот это... — начала было рассказывать девушка про очередной стеллаж.

— Стой. — Максим резко остановился.

На него немедленно налетела засмотревшаяся на содержимое стеллажа Ника.

— Что там еще? — Девушка, потирая ушибленный нос, отступила на шаг.

Ее спутник молча всматривался в темноту кладовой.

— Ты что-то заметил? — Нике стало любопытно. — Или кого-то?

О том, что на территории альтер-матери может оказаться враг, Ника даже не думала. Вся территория была очень хорошо защищена. А кладовая еще усилена и дополнительными контурами.

Что же привлекло внимание Максима?

Или опять какой-нибудь первокурсник остался исследовать кладовую? Вот как-то, когда она уже училась на оперативника...

— Ника, тут что-то не то. — Максим не дал девушке удариться в воспоминания. — Дай-ка мне руку!

И. не дожидаясь согласия спутницы, сам сцапал ее за руку.

— Что «не то»? — Ника инстинктивно отдернула было руку. Куда там! Ее будто тисками сжало. Правда, не жесткими, но очень и очень крепкими. — И... — Девушка, сама не зная, почему, перевела взгляд на пол. — Ой. Откуда тут вода?

Подошвы кроссовок уже затопило.

Что же будет со складом?

— Ну-ка, прекратить самоуправство! — Откуда ни возьмись, перед Никой и Максимом материализовался Митрофан. — А это еще что?

В голосе домового звучал гнев вперемешку со страхом.

Ника глянула туда, куда смотрел Митрофан — из тьмы соткалась какая-то фигура.

«Вот тебе и первокурсники», — мелькнула у магички мысль.

Мелькнула и пропала. Фигура начала обретать материальные очертания. А потом и двинулась к ним. И одновременно Митрофан вскинул руку — раздался жуткий скрежет, свет померк. Кладовая, казалось, завихрилась, и пространство начало закручиваться — в том месте, где матерела странная фигура.

Ника с ужасом смотрела, как стягивается пространство. Как сминает-сплющивает, а потом и консервирует кусок кладовой — вместе с жуткой фигурой, стеллажами и колоннами.

— Никогда такого не видел.

Это был Аристарх, его голос. Когда он успел прийти?

— А оно не вырвется? — Ника с сомнением смотрела на бесформенное нечто. — И что это вообще было?

— Я *это* закапсулировал, — выделил интонацией домовый «это». — Не хватало еще диким тут расхаживать. Завтра наши аналитики смогут изучить кладовую и понять, как дикий тут появился. А теперь давайте-ка ликвидируем потоп. Вы не против?

Ника перевела взгляд на Митрофана. Взъерошенного, растрепанного. По щиколотку в воде — прямо в выдраенных до кошачьего блеска штиблетах. То есть, ранее выдраенных до кошачьего блеска штиблетах.

— А кто такой «дикий»? — растерянно спросила Ника вслух. Но тут же собралась с мыслями: — И откуда тут вода?

Прежде всего надо найти, где прорвало трубу, а уже потом выяснять про диких и не очень.

— Вот правильно, Ника. Все вопросы потом. — Аристарх как-то странно смотрел на Максима. — Вот давай-ка лучше...

Начальник службы сделал неопределенный жест рукой.

— Хорошо, я принесу ведра и тряпки, — по-своему поняла начальство Ника.

Она знала, где находится инвентарь: прямо у входа, на первом стеллаже.

Но когда девушка вернулась с ведрами, воды уже не было. Пол из серого превратился в белый. Даже вековые выбоины, казалось, выровнялись.

— А... как же? — Ника недоуменно воззрилась на Аристарха.

— Сам в шоке, — искренне ответил он. — Ну-с, Игнатъич, чем тебе еще помочь?

— Да уж и не знаю. — У домового был растерянный вид. Но уже не настолько, как тогда, когда он взирал на воду. — Полы помыли и даже высушили. Консерву, — он кивнул на стянутый кусок пространства, — я переправлю в хранилище сам. Мой отчет о нарушенном пери-

метре аналитики получают еще до начала рабочего дня. С остальным мне тоже проще разобратся без вашей помощи. То есть, куда проще. А с вами что делать?.. — Он оглядел каждого по очереди. — Может, вам того... поест в столовой, а?

Поест? Ника удивленно уставилась на Митрофана. А кто говорил, что у него рабочий день закончился?

— Поест — это, конечно, важно. — Вид у Аристарха тоже был растерянным. — Но как быть с защитой? Ты уже понял, как смогли взломать службу?

— Нет, только буду разбираться. — Домовой обвел взглядом кладовую и невольно скривился.

— Я тебе помогу, и это не обсуждается. — Тон Аристарха сделался стальным.

— Готов побыть в услужении? — В глазах Митрофана вспыхнуло ехидство. — Ты же понимаешь, у меня свои методы. Тут парадигма «одна голова — хорошо, а две — лучше» не годится.

— Знаю, — не стал спорить Аристарх. — Но смею настаивать.

В ответ домовой смерил взглядом начальника службы с головы до ног. Потом обратно.

— Ну раз настаиваешь, — пожал плечами он. — Хотя, может, оно и к лучшему. Конечно, тут твоя сила мало чем пригодиться может, но лишняя пара рук мне не помешает. ...Ника, — перевел взгляд на девушку он. — Четвертый стеллаж слева от входа. Запас саморазогревающихся мясных сухпайков. Возьмешь... — Он с сомнением посмотрел на Максима. Смерил парня взглядом с ног до головы. — Сколько потребуется, столько и возьмешь. С оранжевыми этикетками самые вкусные.

— А мы помочь ничем не?.. — начала было спрашивать Ника.

— Только забрать сухпайки и испариться отсюда. — Домовой был непреклонен. — У меня к завтрашнему утру все должно быть готово, и лишние факторы бесполовости и беспорядка мне ни к чему.

— Спасибо за характеристику. — Ника и не думала обижаться.

Она понимала, что домовой прав. Она верила ему. Просто казалось, что уйти сейчас будет чем-то сродни предательству.

— Не будет, — вдруг тепло улыбнулся Митрофан. — Оранжевые этикетки. Рекомендую. А завтра приходи, если будет время. Кофием тебя угощу.

Против кофе Ника не возражала. Потому развернулась и отправилась к четвертому стеллажу.

Максим следовал за ней.

Глава 8, в которой Ника узнает много нового, но и вопросов возникает не меньше

— Ай да Митрофан!

Паек с оранжевой этикеткой пайком как таковым не был. Митрофан наполнил коробочки из фольги пищей богов — недоступным простым смертным алхимическим способом домашних. И не беда, что содержимое не выглядело как сервированное блюдо из пятизвездочного ресторана — оно было необыкновенно, вот невероятно вкусным. И для его подогрева достаточно было надавить на уголок упаковки.

— Обьедење. — Максим облизал ложку. — А у нас еще много этих сухпайков осталось?

— Еще по два каждому. — Ника заглянула в мини-холодильник.

— Тогда еще по одному сейчас, а два оставим про запас. Как тебе такой план?

Нике план нравился. Ей вообще нравилось то, что сейчас происходило. И полночный ужин, и компания. И даже то, что спать им оставалось от силы несколько часов, а уже с раннего утра предстояло быть живцом для неведомой напасти, не портило настроение.

Но кое-что все-таки надо было выяснить.

— Максим, — тщательно выскребала ложкой содержимое сухпайка Ника, — а ты понял, что это были за воронки?

— Воронки? — Казалось, парень с сожалением отвлекся от ужина. Но вот он поднял глаза на девушку: будто солнце озарило пасмурное небо. — Это была сила, противостоящая Создателю.

— Создателю?

— Здесь его называют богом.

Богом? Ника не знала, что сказать. Бога она не встречала. В официальные религиозные версии не верила.

— И вот что я тебе скажу. — Максим поднялся поставить чайник. — Я такого никогда не видел. А видел я, поверь, многое. Очень многое.

— Но ты же сказал...

— ...про силу, противостоящую Создателю? — Парень принялся заваривать чай. — Сказал. И от своих слов не отказываюсь. Просто сила эта каждый раз принимает разные обличья. В чем-то они всегда схожи. А вот такого проявления я, повторюсь, не видел.

— И в течение какого промежутка времени ты все это видел?

Ника не хотела задавать этот вопрос — он сам вырвался.

В ответ Максим вздохнул. Помолчал. Потом все-таки заговорил:

— Это в какой системе летоисчисления посмотреть. Я жил долго, очень долго.

— Дольше, чем лет... пятьдесят? — Для двадцатишестилетней девушки и тридцать было за глаза.

— Намного, — усмехнулся Максим.

Но как-то невесело у него это вышло.

— Я вот что хотела спросить, — сменила тему Ника. Ей было очевидно, что откровенничать сейчас собеседник не собирается, а продолжить разговор хотелось. — А что произошло сегодня... уже вчера днем? Я никогда не видела Аристарха настолько помятым. И... — гулять так гулять! — И почему ты его назвал светлым темным волхвом?

— Отвечу сперва на второй вопрос. — Максим улыбнулся светло-светло. — Я не знаю, какая принята классификация сейчас, но в мое время была именно такая. Маги-стихийники планетарного масштаба назывались волхвами. Некроманты такого же уровня — темными волхвами.

— Э?.. — проявила красноречие Ника. Потом все-таки собралась с мыслями. И неожиданно для себя брякнула: — А ты много волхвов видел?

— Достаточно, — уклончиво ответил собеседник. — А ты?

Волхвов? Ника призадумалась. Может, и видела. Не знала же она, что Аристарх — темный волхв? Не знала. Может, и еще какой-нибудь преподаватель в альтер-матери тоже волхв. Хотя... Да, она видела еще одного волхва — на заре обучения в альтер-матери. Приезжал к ним начальник звенигородского магического Заповедника волхв воздушной природы Борилий — читать какую-то общеобразовательную лекцию. О силе ума этого волхва ходили легенды. И о чувстве меры, а также постоянно проявляющей себя совести — бывало, что и не к месту.

— Если он что-то сделал не так — глаза наливаются кровью? А бывает, что и теряет сознание? — усмехнулся Максим.

— Не знаю, сама не видела. Но про его совесть нам потом Аристарх рассказывал, вот я и запомнила. Мол, у волхва Борилия много э-э-э... скажем так, знаний и силы, а потому и ответственности через край.

Рассказывали им и о другом волхве, Терентии — огромного роста, могучем. Водной, если она не ошибалась, природы. Вот только, Ника его никогда не видела, даром, что он иногда навещал альтер-матерь: его тоже приглашали читать лекции первокурсникам. Вот и на факультете травников, где Ника училась первый год, такая лекция была запланирована. Помнится, Ника бегом бежала на эту лекцию, но, увы. Лекция не состоялась: вечно занятой волхв Терентий не смог прибыть в альтер-матерь.

— Жаль, — посочувствовал парень. И сказал: — Ты не обижайся, водный волхв и правда очень занят. И я даже не могу себе представить, насколько.

На это Ника не нашла, что ответить. Она и не думала обижаться, просто расстроилась. Впрочем, это давно было, и та досада уже прошла.

— Так вот, об Аристархе Демьяновиче, — продолжил беседу Максим. — Без всякого сомнения, он — темный волхв. То есть вхож как в мир материальный, так и мир мертвых. Но он светлый.

— То есть? — Ника запуталась.

В мир живых — это как раз понятно. Но мертвых? Девушка, сколько ни старалась, не могла себе это представить. А потом вдруг встрепенулась:

— А с ребятами из нашей четверки он может встретиться?

— Не знаю, — не задумываясь ответил Максим. — Я не некромант. Но ты как-нибудь спроси у него сама.

Ага, спроси. Ника представить себе не могла, как она задаст этот вопрос — после того, как Аристарх запретил ей даже думать о прошлом. Вот так и сказал: тема закрыта. А то, что после этого разговора Ника только и делала, что жила прошлым, его как будто не касалось.

И он был по-своему прав. И это девушка сейчас особенно хорошо понимала. Живым надо жить среди живых. И уж кто-кто, а темный волхв, поди, в этом очень хорошо разбирался.

— Но что значит темно-светлый?

— Порчу навести не сможет, — пояснил парень. — Настолько светлый.

— Это... хорошо! — Ника, признаться, растерялась.

Вообще-то, Аристарха не то, что боялись — опасались. Опасались все, за редким исключением — Митрофан, например, относился к начальнику службы как к равному. И Аристарх домового тоже уважал. А вот остальные... Чувствовалось в Аристархе что-то такое...

— Не даст спуску? — Максим наполнил опустевшие чашки чаем. Ника с благодарностью взяла свою.

— Да, народ опасается косячить, — наконец нашла девушка формулировку поточнее. — А он, оказывается, светлый.

— Светлый — не значит слабый, — пожал плечами Максим. — Его подчиненные просто чувствуют его силу. Вот и, как ты выразилась, опасаются косячить.

Кстати о силе.

— Так что у вас там сегодня... то есть, уже вчера произошло?

— Воронки. — Голос Максима стал глухим. — Сразу три воронки. Мы попали в засаду. Выехали на подозрение на прорыв, а попали на воронки.

Он говорил, а Ника видела как наяву. Аристарх и Максим — почему-то парят в воздухе. Они только что ушли от смертельной опасности. Под ними одна за другой раскрываются-расцветают воронки. Раскрываются и лопаются — под воздействием каскадов света, срывающихся с рук Максима.

— Вы летали? — Ника тряхнула головой, отгоняя жуткое видение.

— А ты это видела? — Максим как-то очень пристально посмотрел на девушку.

— Вас над воронками? — Нике почему-то от этого взгляда стало не по себе. — Видела. А что?

— Ничего, — качнул головой Максим. — Давай не будем сегодня об этом.

— Ты спас Аристарха? — Нике было важно узнать ответ на этот вопрос.

А судя по тому, что доверие к ее собеседнику со стороны начальника службы возросло, это было похоже на правду. И уж не проявление ли этого самого доверия случилось недавно в кладовой? И отослали ее за тряпками и ведрами как-то скоростно. А потом эти самые тряпки и ведра не понадобились.

— Я ему помог, — уточнил Максим. — Поверь мне, ваш Аристарх не мальчик, сам может за себя постоять. И в тот раз наверняка бы справился.

— Что верно, то верно, — не стала спорить Ника.

Но все-таки что-то тут было нечисто. Но что? Ника не знала, у нее для полноценного анализа не хватало вводных. Одно она знала точно: Аристарху можно доверять. И Максиму, как показала практика, тоже. А со всем остальным она со временем разберется.

С тем они допили чай и легли спать.

До охоты на живца оставалось всего три часа.

Утро началось рано — еще затемно.

— Подъем. — Максим легонько потряс девушку за плечо. — Кофе будешь?

— М-м-м?.. — Нике хотелось не просыпаться, а спать дальше. И дальше, и дальше...

Стоп. Кофе?

Максим?!

Девушка резко села, потрясла головой. Мансарда, но не ее прежняя — в альтер-матери. Парень у плиты переливает сваренный в турке кофе в изящные чашечки. На столике у кровати ломти кекса с изюмом — свежие, издающие чумовой аромат.

И, что самое замечательное, хотелось жить!

Девушка отбросила одеяло. Оглядела себя: тренировочный костюм, все вполне пристойно.

— Вставай уже, соня. — Парень поставил чашки на столик. — В темпе умывайся, завтракай, и выдвигаемся.

«Куда?» — хотела было спросить девушка.

И тут же вспомнила: они с Максимом теперь приманка для воронок.

Воспоминание придало бодрости. Ника вскочила и отправилась в туалет — приводить себя в порядок.

И, надо сказать, с этой задачей Ника справилась на отлично. Через несколько минут на нее из зеркала смотрела весьма симпатичная молодая особа. Собранная, решительная, но это ее нисколько не портило — придавало очарования.

Оставалось только позавтракать, что Ника и сделала. Взяла чашку со столика, откусила от кексика с изюмом...

— С добрым утром. — Прямо посреди мансарды материализовался Аристарх Демьянович. — Десятиминутная готовность.

Ника не ответила — чуть было не поперхнулась кексиком, когда в комнате появился начальник службы: как?

С смыслом, как Аристарху Демьяновичу удалось материализоваться в мансарде? На ее памяти он никогда не телепортировался. И на лекциях им говорили, что современные маги этого не умеют.

— Тебе же вчера Максим сказал, что твой наставник — темный волхв, — укоризненно произнес начальник московской службы.

Он выглядел на все сто: гладко выбрит, костюм с иголки, начищенные до блеска туфли — наверняка домовым.

— Сказал, — вздохнула Ника. — Но кто же знал, что из этого следует не только телепатия, но и телепортация?

— Я так понимаю, соответствующей лекции во время обучения не было? — Максим с интересом посмотрел на начальника московской службы. — И вопрос «почему» задавать бессмысленно?

— Те, кому надо, в курсе, — ворчливо, но при этом предельно уважительно отозвался Аристарх.

— А мне, значит, знать не надо. — Ника не хотела так реагировать, оно само вырвалось. — А зачем тогда все эти микроавтобусы, на которых мы выезжали на задания? Если можно э-э-э... телепортом?

— А как ты думаешь, мы переместились на Пречистинку прошлой ночью?

И точно! Ника с удивлением смотрела на начальника службы. При всем желании микроавтобус не домчал бы с Никольской на Пречистинку за минуту. Точнее, меньше, чем за минуту.

— Так это получается, Миха в курсе? — сложила девушка два и два.

— В курсе, — неохотно произнес Аристарх. — Но остальные об этом знать не должны. Оперативники не пользуются телепортом практически никогда. И... И боже тебя упаси, сотрудица, испытывать сейчас мое терпение. У нас почти нет времени!

Точно, время! Ника бросила взгляд на наручные часы. Без четверти пять! Уже через пять минут им надо выдвигаться. Ника выпрыгнула из кресла, в пару шагов оказалась возле вешалки. Несколько секунд, и девушка была полностью готова к выполнению задания.

Но до выхода оставалось еще больше четырех минут, и Ника задала вопрос: а кто на этот раз куролесит?

— «Благодетели», — не произнес — выплюнул Аристарх характеристику.

— Очередные? — понимающе усмехнулась Ника. — И что на этот раз? Исправление кармы? Поворот стрелы времени вспять? Что-то новенькое?

— Пока не знаем, — скривился начальник службы. — Но активная тьма сквозь «благодетелей» уже не сочится, но течет. Поймаете — узнаем, чем они конкретно занимались.

Ага, значит, «благодетели» были свежими, их не разрабатывали и наблюдение за ними не велось. Оставался только один вариант: «благодетелей» вычислили аналитики.

На самом деле, подобные дела частенько помогали раскрывать именно аналитики. Какими-то им одним ведомым способом просчитывали, где и когда можно выловить наруши-

телей, пытающимися всеми правдами и неправдами прорвать ткань бытия. Или иными словами, нарушить баланс мировых энергий в свою пользу.

— А почему вы так уверены, что это не обычные мошенники? — Максим удивленно переводил взгляд с начальника службы на девушку.

— От мошенников не бывает столько урона, — скривился Аристарх. — Хотя, конечно, мошенник мошеннику рознь. Бывало, так народ до массового негодования искусно довели, что поневоле задумаешься, кто именно им в головы их мошеннические идеи вкладывал.

— И кто? — Максим с интересом посмотрел на Аристарха.

Было видно, что у парня есть свое мнение, но высказывать его он не спешил.

— Наверняка сами додумывались. — Аристарх уже успокоился — так же быстро, как и распалился. Тон его стал предельно философским: — Много ли ума надо, чтобы свернуть с правого пути на колдобины? Но к делу. Ника, что делать с «благодетелями», ты знаешь. Покажешь Максиму. Максим, в случае чего ты прикрываешь Нику. Все, время пошло не на минуты — на секунды.

Глава 9, в которой показано, что добро не абсолютно

Едва войдя в дежурку, Ника почувствовала, что она снова в строю.

Сколько раз они с ребятами вот так вот собирались — и не сосчитаешь! И когда брали маньяка, полностью подчиненного активной тьме, руководящей его поступками. В тот раз пришлось еще одну бригаду со светоизлучателем вызывать на себя, настолько сильной оказалась тьма в носителе. И когда брали «дементора», буквально высасывающего жизненную силу из москвичей. А уж про «ведьм» — возрастных магичек, пустившихся во все тяжкие охоты на молодых парней, и вспоминать противно, хоть и смешно.

Стоп. Ника тряхнула головой: не время ударяться в воспоминания. Картинки из прошлого, будто кадры из киноленты, пронеслись перед глазами магички в один миг — и исчезли. Аристарх сказал, в этот раз счет времени шел не на минуты, как обычно, — на секунды.

Девушка перевела взгляд на монитор — огромный, жидко-кристаллический, на всю стену дежурки. На нем было видно все как на ладони, и «благодетелей» тоже. Они дислоцировались на острове Балчуг. Рядом с печально известным Домом на набережной характерно мерцало, набирая силу, лилово-черное пятно.

— Приблизить можно? — Ника вглядывалась в монитор.

— Сейчас. — Дежурный набрал на клавиатуре команду — свозь лиловое пятно стала видна бытовка.

Это в ней, что ли, ютятся «благодетели»?

— Ясно. — Ника наконец-то чувствовала себя и, что куда важнее, была в своей стихии. — Машина со светоизлучателем. На всякий пожарный пара силовых сетей, больше не потянем, зато максимальной мощности и максимального же размера. Два универсальных щита. Два энергетических меча, — перечисляла Ника дежурному. — Нет, дожидаться других оперативников не будем. Времени нет, пока еще можно справиться без человеческих жертв... Как скоро будет готова машина?

Именно в этот момент зазвонил телефон у дежурного. Тот сразу включил на громкую связь.

— Выходите! — Из динамиков раздался голос водителя Михи.

— А оборудование? Уже в машине?

— Все необходимое, — бросил взгляд дежурный на камеру, — грузится Митрофан Игнатьичем... Да, завхоз уже все сделал. ...Ого!

Дежурный показывал на огромный монитор на стене. На нем было видно, как темнеет, набирая силу, уже не лиловое — багровое пятно.

— Бежим! — Ника помчалась из дежурки.

Ника бежала и думала: то, что Митрофан может загрузить оборудование — да хоть два комплекта! — мгновенно, это понятно. Но мотор микроавтобуса надо прогреть. Успеют ли они до того, как тьма набросится на город?

Однако мотор был давно прогрет. Как только Ника и Максим запрыгнули в микроавтобус, Михи дал по газам.

— Меня Аристарх поднял в ружье греться еще четверть часа назад, — пояснил водитель, — чтобы машина была в полной боевой готовности. Мол, домчать надо будет так быстро, как только смогу. Держитесь только крепче, когда будем входить в повороты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.